

МИРЫ АЛЕКСЕЯ ЕВТУШЕНКО

ИМЯ ДЛЯ ГЕРОЯ

Алексей Евтушенко

Имя для героя

«Автор»

2019

Евтушенко А. А.

Имя для героя / А. А. Евтушенко — «Автор», 2019

В книге «Имя для героя» впервые собраны под одной обложкой лучшие рассказы и повести, которые были написаны автором за последние четверть века. Герои этих историй действуют в космосе и на Земле; в настоящем, прошлом и будущем; мире параллельном, сказочном и даже потустороннем. Надеемся, вы их полюбите.

© Евтушенко А. А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Челобитная	5
Долина	14
Имя для героя	27
Пастух	38
Слуга	48
Ни дня без сенсации	55
Сетевой	62
Тараканья история	65
Беглец	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Алексей Евтушенко

Имя для героя

Сборник

Челобитная

Молодой чиновник Департамента Землепользования Гревского облисполкома Вениамин Александрович Трентиньянов в этот день собирался на службу особенно тщательно.

Уже с вечера висел на плечиках новый костюм из дивной английской тонкой шерсти, еще месяц назад заказанный по такому случаю лучшему мастеру Гревска Исааку Моисеевичу Гольдману, который кроил в свое время костюмы первым и вторым секретарям обкома и горкома (не говоря уже о партноменклатуре рангом пониже), а теперь обслуживал крупных чиновников мэрии, мафиозную верхушку и областное начальство.

Последний раз глянув на себя в зеркало (костюм сидел просто-таки великолепно!), Вениамин Александрович надел плащ, коснулся губами соблазнительной ямочки на щеке жены и вышел из дому.

День сегодняшний был для Вениамина Александровича особенным.

Около двух месяцев назад Трентиньянов из осторожных полупамятков начальства понял, что его собираются продвинуть по службе и с тех пор, удвоив рвение и особую чиновничью осмотрительность, ждал.

И дождался!

Шутка ли, из мэрии, где позиции коллег из его и других отделов были практически незыблемы, он шагнул сразу в областной Департамент Землепользования на должность заместителя заведующего отделом Болот и Лугов!

Свой кабинет!

Приемная с секретаршей!

Собственная служебная машина!

Да, милостивые государи, ради таких вот минут и стоит жить на свете, думал Вениамин Александрович, энергично шагая к месту службы по утренним тротуарам родного Гревска. Ради таких вот минут, когда ощущаешь себя победителем и, можно сказать, хозяином жизни, он и оставил в свое время сомнительную карьеру ирригатора и ступил на тернистую стезю российского чиновника. Правда, присутствовала в чистой радости Вениамина Александровича по поводу нового назначения и некоторая беспокойная нотка.

Дело в том, что чиновник, на место которого заступал нынче Трентиньянов, несколько дней тому назад скончался от инфаркта прямо за рабочим столом.

Конечно, чиновник тот был человеком уже в годах, любящим, по слухам, хорошо поесть и не менее хорошо выпить, вел малоподвижный образ жизни, курил и вообще... Не то что молодой и совершенно некурящий Трентиньянов, начинающий любой новый день с хорошей пробежки в близлежащем парке, но... Вот именно – «но». Но и предыдущий зам. зав. отделом Болот и Лугов Департамента Землепользования Гревского облисполкома спился с круга и ныне, говорят, пользуется большим авторитетом среди алкашей-синяков Приречного района, как бывший представитель власти, могущий разъяснить со знанием дела любому желающему текущий политический момент, а также последствия этого момента – только наливай.

И с тем, что был до него, тоже, вроде бы, произошла какая-то мутная и нелепая история. То ли он отбил чужую жену и ударился в бега, то ли, наоборот, у него увели жену, а он ушел с должности и даже переехал в соседнюю область, где чуть ли не устроился на работу в газету.

Черт-те что, в общем.

Но – прочь сомнения. Не отказываться же, в самом деле, от места из-за подобных пустяков! Такой финт начальство не простило бы и правильно сделало если каждый начнет носом крутить...

Нет, тогда уж лучше сразу бросать службу и опять подыскивать себе место ирригатора... бр-р! Вениамин Александрович аж плечами передернул, отбрасывая от себя пораженческие настроения, и уверенно ступил на широченное крыльцо старинного – шестнадцатого века постройки! – здания, в котором с незапамятных времен располагалась исполнительная власть города Гревска.

Первый день на новом месте прошел нормально, Вениамин Александрович познакомился с непосредственным начальством, сотрудниками и собственной секретаршей Тоней – сухощавой дамой неопределенного возраста, но весьма приятной наружности. Он также был введен в круг своих непосредственных обязанностей и даже вчерне успел прикинуть план работы на ближайший месяц, а во второй половине дня его предупредили о том, что сегодня после работы служащие Департамента отмечают девять дней со дня смерти предыдущего замзава отделом Болот и Лугов, и его, Вениамина Александровича, присутствие крайне желательно.

Поминки происходила в обширной приемной директора Департамента и даже понравились Трентиньянову, который обычно старался избегать подобных мероприятий, как человек, во-первых, практически непьющий, а во-вторых, в глубине души не верующий в Бога и всяческую загробную жизнь (в чем никогда и никому не признавался из соображений престижа и карьерного роста).

Как-то совершенно незаметно для себя он успел выпить три рюмки водки, закусил, с удовольствием пообщался с новыми коллегами, отметив в уме их внимание и доброжелательность по отношению к нему. И покинул общество довольно удачно: не самый первый, но и не среди последних и, возвращаясь гулким коридором в свой кабинет, чтобы забрать оставленный там «дипломат» и плащ, с приятностью размышлял о том, что день, кажется, удался и, что если дальше так пойдет...

Не зажигая света (секретарша Тоня еще оставалась в приемной директора Департамента), Трентиньянов вошел в кабинет и направился к рабочему столу, на котором оставил «дипломат», как вдруг неожиданно и всей спиной ощутил, что он в помещении не один.

Нервы, однако, у Вениамина Александровича были пока еще в полном порядке.

Для начала он медленно обошел стол, чтобы между ним и неизвестным и пока невидимым посетителем оказалась преграда, потом сделал вид, что ищет на столе какие-то бумаги и как бы невзначай протянул руку к выключателю настольной лампы...

– Не зажигай огня, боярин!

Трентиньянов непроизвольно вздрогнул, покрылся холодный потом, плюхнулся на стул и рывком поднял голову – и все это с ним произошло одновременно.

Посреди кабинета стояла, чуть покачиваясь (или это только казалось?), высоченная сутуловатая фигура и, разглядев сию фигуру повнимательней, насколько это было возможно в неверных отблесках света фонарей, проникающих в кабинет с улицы через узкие высокие окна, Вениамин Александрович покрылся холодным потом вторично.

Начать с того, что фигура была облачена в длиннополый, старинного покроя кафтан и какие-то чудные остроносые сапоги; в руках мяла неопределенного вида шапку и подпоясана была самым, что ни на есть настоящим кушаком, свисающие концы которого чуть ли не касались дубового паркета!

Голова фигуры обильно заросла волосами, усами и бородой, достающей в буквальном смысле до пояса, а ее глаза... Глаза эти, казалось, прожигали насквозь и горели жутким желтым

огнем в глубоких ямах-глазницах. Крючковатый нос-ятаган довершал поразительный облик незваного гостя.

Впрочем, все эти детали Вениамин Александрович Трентиньянов припомнил уже потом, а сейчас он лишь ошарашено пялился на посетителя, и одна мысль: «Вот она, третья рюмка водки!» билась в его висок, как ночная бабочка в оконное стекло.

Однако профессионал тем и отличается от любителя, что способен исполнять свои обязанности в любых условиях и в любом состоянии.

А Трентиньянов был профессионалом.

– Слушаю вас, – как бы со стороны услышал Вениамин Александрович свой голос, и не было в этом голосе ни тени страха и ни нотки сомнения. Потому что российский чиновник, находящийся на своем рабочем месте, это по определению практически неуязвимый человек.

– Подпиши челобитную, боярин! – с каким-то стонущим полувсхлипом произнесла фигура, и почудился чиновнику Трентиньянову в этом стоне-всхлипе замогильный холод и беспредельная тоска. – Подпиши. Христом Богом прошу! Ибо не будет покоя ни тебе, ни мне, доколе...

– Вениамин Александрович, вы здесь? – веселый голос новоприобретенной секретарши Тони заставил вздрогнуть и Вениамина Александровича, и его жуткого гостя.

Темная фигура как-то ссутулилась, качнулась, заскользила по паркету в дальний от Вениамина Александровича угол и там без остатка растворилась – будто всосалась в стену.

– А почему в темноте сидите? – щелкнул выключатель, и под потолком вспыхнул свет. – О, Господи! Да на вас лица нет!

– Трентиньянов достал платок и мелко дрожащей рукой отер со лба ясный пот.

– Что-то мне, Тоня, как-то вдруг нехорошо стало, пробормотал он и попытался улыбнуться. – Впрочем, с вашим появлением, все уже почти прошло.

– Ничего, это бывает, – многообещающе улыбнулась в ответ Тоня и предложила. – Поедьте ко мне, я вас кофе напою.

И Вениамин Александрович согласился.

Вместо кофе дома у Тони оказался почему-то коньяк, и Трентиньянов сам не заметил, как напился. Да так, что дальнейшее произошло само собой.

Покинул Вениамин Александрович квартиру своей секретарши в шесть часов утра с мерзкой головной болью и смутными воспоминаниями о Тониных умелых ласках. Конфликт с женой, однако, был улажен довольно быстро, так как ничего подобного с Трентиньяновым раньше не случалось, и вообще ему практически не пришлось врать, – он действительно мало что помнил.

Молодой и здоровый организм взял свое.

Контрастный душ, обильный завтрак и две чашки крепчайшего кофе быстро вернули Вениамину Александровичу уверенность в себе и, хотя воспоминание о вчерашнем происшествии в кабинете продолжало тревожно прятаться где-то в глубинах сознания, Трентиньянов решил жене пока ничего не рассказывать, а окунуться с головой в работу и посмотреть, что будет дальше.

В конце концов, думал он, все это – не более чем шуточки подкорки, в нужный момент расторможенной водкой – и к черту всякую мистику!

Следующий месяц прошел спокойно.

Трентиньянов быстро втянулся в работу и сам чувствовал, что начальство им довольно, а большего пока и желать было бы грешно.

Отношения с секретаршей установились дружески-деловые. Тоня, к легкому удивлению Вениамина Александровича, после памятного вечера и ночи не делала ни малейших попыток повторного сближения, что вполне устраивало Трентиньянова, который, в общем-то, любил

свою жену и к связям на стороне относился с крайней осторожностью. Он уже почти окончательно забыл и тот мистический случай в кабинете, когда однажды вечером...

В тот день Вениамину Александровичу пришлось изрядно задержаться на службе.

Скопилось много бумаг, требующих скорейшего рассмотрения, и заместитель заведующего отделом Болот и Лугов областного Департамента Землепользования, предупредив жену, что задержится и, отпустив Тоню, с головой погрузился в работу.

За окном давно стемнело (был конец октября), и Трентиньянов как раз размышлял над формулировкой сопроводительной записки, которую следовало приложить к очередному документу, когда в его кабинете неожиданно погас свет.

Чертыхнувшись, Вениамин Александрович посидел некоторое время с закрытыми глазами, чтобы привыкнуть к темноте (ни спичек, ни зажигалки у него не было, так как он не курил), а затем набрал номер дежурного по внутреннему телефону.

Дежурный сообщил, что свет погас по всему кварталу, что подобное, очень редко, но все же случается и, что вероятнее всего, свет скоро дадут.

Минуту поразмыслив, Трентиньянов решил, что это знак судьбы и на сегодня хватит, и собрался было подняться со стула, как вдруг краем глаза уловил какое-то шевеление в дальнем углу кабинета.

«Опять!» – прирос к месту Вениамин Александрович и попытался нашарить под рубашкой несуществующий нательный крест, судорожно вспоминая при этом «Отче наш», – молитву, которую он, возможно, и слышал пару раз в жизни.

Тем временем фигура в длиннополом кафтане окончательно сформировалась и, как бы проплыв над паркетом, остановилась напротив охваченного липкой паникой Трентиньянова.

– Подпиши челобитную, боярин! – замогильный глухой голос сверхъестественного посетителя настиг убегающее сознание чиновника и остановил его на пороге спасительного обморока. От желтых горящих глаз призрака отвести взгляд не было никакой возможности.

– Подпиши, пока добром прошу. Иначе плохо тебе будет!

– К-кто вы т-такой? – еле сумел выдавить из себя Трентиньянов, судорожно, словно палочку-выручалочку, сжимая в пальцах родимый «паркер» (на этот раз он испугался гораздо сильнее, вероятно, потому, что был совершенно трезв).

– Семен я, сын Борисов, купец из этого города. Обидели меня, боярин!

– Кто вас обидел? – понемногу стал приходить в себя Трентиньянов.

– Да наш же брат, купец Митька Строганов и обидел. Я у него луг откупил в наем на десять лет. Знатный луг, богатый. А он, подлец, мешок денежный, сунул на лапу тиуну боярскому и луг тот у меня отобрали. Ты, боярин, вот что – подпиши челобитную честь по чести, в ней все сказано, а я говорить долго не могу – сил это много отнимает...

– Да где же она, челобитная-то?! – воскликнул Вениамин Александрович в отчаянии. – Где бумага?! Вы же не мне ее подавали!

– Те, кому я ее триста лет тому подавал, – нехорошо усмехнулся купец Семен сын Борисов, – давно в сырой земле лежат. Теперь твой черед настал. Я порядок знаю. Положили под сукно мою челобитную и не хотят искать. Я триста лет маюсь. И буду маяться, пока челобитную мою не найдут и не подпишут. Клятву я дал страшную, боярин, перед Богом, что все равно моему будет. А не будет... Что ж, я триста лет род ваш поганый тиунский, дьяконский да боярский извожу и впредь изводить буду, пока не найдете. Ищи, боярин. Ищи мою челобитную, ибо новую подавать нету у меня никакой возможности. А не отыщешь... Пеняй тогда на себя!

И тут дали свет.

Страшный призрак купца Борисова Семена исчез, а Трентиньянов, схватив пальто, шляпу и «дипломат», пулей вылетел из кабинета.

Окончательно он пришел в себя на полдороге к дому и, решив, что создавшуюся ситуацию надо тщательно обдумать, завернул в первый попавшийся бар, спросил себе сто граммов коньяка и кофе, сел за пустующий столик в углу и принялся разбираться в самом себе.

Необходимо заметить, что Вениамин Александрович трусом отнюдь не был, да и в мистическо-суеверных настроениях и эзотерическом образе мыслей его было заподозрить крайне трудно. Однако следовало признать, что появление призрака купца Семена Борисова оба раза очень и очень отрицательно отразилось как на физическом состоянии Вениамина Александровича, так и на его душевном и, так сказать, психическом здоровье.

Вылив половину имеющегося в рюмке коньяка и глотнув кофе, Трентиньянов констатировал, что при виде призрака его охватывает глубочайший страх, почти ужас. Да такой, что впору поседеть или даже сойти с ума и, что с этим безысходным чувством, поднимающимся в нем серой неотвратимой волной, бороться он не в силах. Тут же припомнилась незавидная судьба трех его предшественников, и Вениамин Александрович очень быстро пришел к выводу, что необходимо что-то предпринять. И чем скорее, тем лучше.

Но вот что именно? Прикончив первые сто грамм и взяв еще пятьдесят, Вениамин Александрович понял, что из данной ситуации существует равным счетом два выхода. Первый: уйти со службы (это было совершенно неприемлемо). И второй: попытаться удовлетворить требования призрака и найти проклятую челобитную. Триста лет – это, конечно, срок немалый, но... чем черт не шутит? Впрочем, прежде чем предпринимать конкретные шаги, следовало навести еще кое-какие справки, чем Трентиньянов и решил заняться прямо с завтрашнего утра.

Наутро, явившись на службу, Вениамин Александрович попросил Тоню сделать чаю себе и ему и пригласил ее в кабинет. Дипломатично поинтересовавшись общим положением дел и услышав, что все в относительном порядке, он спросил:

– Скажи, Тоня, сколько лет ты работаешь в облизполкоме?

– Ну, Вениамин Александрович! – сверкнула красивыми искусственными зубами секретарша. – Разве женщинам такие вопросы задают?

– Брось, Тонечка! – по-свойски подмигнул Трентиньянов и даже позволил себе погладить Тонину тонкую коленку. – Мы же не чужие друг другу люди! – и начальственным тоном добавил, твердо глядя в ее болотного цвета глаза. – Мне нужно знать.

– Пятнадцать лет, – пожала плечами Тоня.

– И все время здесь, в этом Департаменте?

– Ну, большей частью да, здесь. Правда, назывался он раньше по-другому...

– Скажи, Тонечка, – нетерпеливо перебил ее Трентиньянов, а ты не знаешь кого-нибудь из нашего Департамента, кто, скажем, сейчас на пенсии давно, а перед этим долгое время тут проработал? Мне, понимаешь, один исторический вопрос нужно провентилировать.

– Как же, знаю. Лет двенадцать назад ушел от нас на пенсию Вадим Никанорович Двоепольский из отдела Лесов и Полей. Ему уже тогда было под девяносто, но его держали до последней возможности, как незаменимого специалиста. Так вот он, говорят, работал еще в Департаменте Землеустройства при последнем государе-императоре. Представляете? Сейчас ему больше ста лет, но он еще жив... Да у меня даже где-то телефон его домашний был записан. Найти?

– Да, пожалуйста, это было бы очень кстати.

– Хорошо, сейчас посмотрю... а... что случилось-то?

– Ничего, Тонечка, не случилось, – фальшиво улыбнулся Трентиньянов, совершенно справедливо опасаясь ненужных его карьере слухов и пересудов. – Так, уточнить кое-что хочу. Новые веяния, знаешь ли, требуют разумной инициативы. В общем, потом все расскажу, если получится, а сейчас не хочу сглазить, и Трентиньянов шутливо сплюнул три раза через левое плечо.

Вадим Никанорович Двоепольский действительно оказался жив и даже для своих невероятных лет довольно бодр. Услышав, кто его беспокоит, обрадовался, что не забывают старика и к просьбе о встрече отнесся с юношеским энтузиазмом, назвав свой адрес и удобное для визита время – вечер следующего дня.

Старый чиновник встретил Трентиньянова в прихожей и, тяжело опираясь на трость, лично проводил Вениамина Александровича в гостиную, где на столе уже ожидал яблочный пирог и чай.

– Нынче разучились пить чай, – поведаль Вадим Никанорович, самолично разливая густую заварку по тонкостенным стаканам в ажурных серебряных подстаканниках. – Пьют из чашек большей частью. А чай надобно пить исключительно из стаканов, – тогда в нем особенный вкус появляется. В мое время даже понятие такое бытовало – чайный стакан. Он, стакан этот, собственно и посеичас выпускается, да только название свое утратил. Да и где, скажите на милость, в наше время вы найдете хорошие подстаканники, а? То-то. Нуте-с, так с чем пожаловали?

Трентиньянов подивился про себя энергичному виду старика (Двоепольскому никак нельзя было дать больше восьмидесяти) и, внезапно переменив решение, которое принял накануне визита, рассказал все.

О незавидной судьбе трех его, Трентиньянова, предшественников, о жутком призраке купца Семена Борисова и о злополучной челобитной.

Вадим Никанорович слушал внимательно, не перебивал, прихлебывал помаленьку чаек с лимоном и только под конец повествования попросил разрешения закурить.

– Вы – у себя дома, – удивился Трентиньянов. – Курите, пожалуйста, и не обращайтесь на меня внимания.

– Я-то дома, но вы – гость, – резонно заметил старик и вставил в янтарный мундштук «приму».

Некоторое время он молча курил, стряхивая пепел в массивную бронзовую пепельницу на львиных лапах.

– Что ж, – вымолвил, наконец, – признаюсь честно, что подобную историю я уже однажды слышал. Было это, дай Бог памяти... да, точно, перед самой революцией. Весной семнадцатого года. Я тогда только начал служить курьером в Департаменте Землеустройства при губернской управе. Так вот. Молодые чиновники в курилке рассказывали примерно то же самое, что и вы сейчас. Мол, чертовщина какая-то творится в Департаменте Землеустройства, – бродит по ночам призрак, якобы, купца и просит подписать какую-то челобитную. А те, мол, из начальства, кому он является, так или умом трогаются или спиваются, или еще что с ними нехорошее происходит. Говорили, помню, что тянется вся эта история уже двести лет с лишком с некоторыми перерывами, и что не будет призраку купца успокоения, пока кто-то не найдет и не заверит челобитную своей подписью и не поставит на нее печать Департамента. Да-с, я тогда молодой был совсем, переполненный, так сказать, прогрессивными идеями, и ни в каких призраках или, там, привидений, разумеется, не верил, а потом... Потом, как известно, началась революция, и за все годы службы в Департаменте уже при советской власти я, признаться, ни разу подобных разговоров не слышал. Да и с начальниками нашими, помнится, все было в порядке. В относительном, конечно. На самом-то деле всякое бывало, при Хозяине особенно, да и после... сами понимаете, но чтобы призрак... нет, не слыхал. Видать, действительно прежние времена возвращаются, раз этот Летучий Голландец от нашего чиновничества снова появился. При коммунистах-то, должно быть, опасался показываться! – и Двоепольский рассмеялся сухим старческим смехом.

– Так вы мне верите? – робко спросил Трентиньянов.

– Отчего же нет? Верю. Я, молодой человек, за свою жизнь еще не с такими чудесами встречался.

– И... что бы вы мне посоветовали в этой ситуации?

– Хм-м... что тут посоветуешь... Найти надо челобитную или с работы увольняться, если жить хотите.

– Найти! – чуть ли не вскричал Вениамин Александрович. – Легко сказать. Где же ее найдешь – триста лет прошло!

– Где... мда... а вы про наши подвалы что-нибудь слышали? И вообще про наше здание облисполкома?

– Ну... смутно... мало, в общем.

– Здание было построено в конце шестнадцатого века при Федоре Иоанновиче, сыне Ивана Грозного, – с явным удовольствием принялся рассказывать старый чиновник. – Тогда в государстве российском после Иоанновых сумасбродств наступила относительная стабильность и даже некоторая эйфория, что ли. Строили много. Хотя это практически единственное здание в городе, сохранившееся с тех времен. Оно, разумеется, горело неоднократно и неоднократно же перестраивалось, но фундамент... Фундамент и обширнейшие подвалы остались неизменными. Когда-то в них, говорят, пытали государственных преступников. И – всегда! – сваливали в эти подвалы всякий ненужный хлам. Старую мебель в основном, ну и прочее в том же духе. Подвалы эти, конечно, время от времени чистили, но они настолько обширны и запутаны, что их истинных размеров не знает никто. Точных чертежей, естественно, давно нет. Помнится, мне году, эдак, в сорок девятом комендант здания рассказывал об этих подвалах такое... Куда там Стивенсону и Дюма! Так что вы, ежели наберетесь духу и сумеете туда проникнуть, пошарьте, как следует. Чем черт не шутит! А вдруг сунули челобитную в стол, там, или шкаф, конторку какую-нибудь – не знаю уж, что у дяков и тиунов того времени было из канцелярской мебели, а потом снесли ту мебель в подвал, и стоит или лежит она там теперь уже триста лет, и в ней – челобитная купца Семена Борисова. А его неприкаянная душа в призрачном обличье бродит по коридорам и губит ни в чем не повинного нашего брата-чиновника, – Двоепольский оживился, глаза его молодо блеснули, мундштук в иссохшей руке так и летал по воздуху – Вадим Никанорович подкреплял свою фантазию энергичной жестикуляцией. – Эх, был бы я помоложе лет на двадцать... Да что там на двадцать! И десяти бы хватило. Отправился бы с вами, ей-богу! Но вы уж там поосторожнее, прошу вас, фонарь хороший возьмите, а еще лучше – два фонаря. Еды на всякий случай, воды... И потом обязательно ко мне – расскажете как там и что, договорились? Подвалы, кстати, очень сухие, там все должно отлично сохраниться, так что...

Вышел Трентиньянов от старого чиновника совершенно ошеломленным, но, пока дошел до дома, успокоился, собрался с мыслями и решил, что резон в словах Двоепольского, пожалуй, есть и, что все равно ничего больше не остается – надо лезть в чертов подвал.

Измазанный и поцарапанный, весь в пыли и паутине, Трентиньянов обвел исступленным взором очередной «каземат» вслед за лучом фонаря и тут же увидел в углу громадный, окованный позеленевшей медью сундук.

Позади были пять часов блужданий по каменному лабиринту среди остатков канцелярской мебели, поржавевших остовов пишущих машинок, обломков стендов соцсоревнований и Досок почета, а также монбланов и эверестов прочего застарелого хлама эпохи развитого социализма, и не только ее.

Предусмотрительный Вениамин Александрович захватил с собой уголь и мел, чтобы помечать дорогу, и заблудиться не боялся, тем более что обладал хорошей зрительной памятью и чувством ориентации.

Подвал, однако, своей грандиозностью превосходил всякое воображение. Чего здесь только не было! В одном из помещений Вениамин Александрович, к примеру, наткнулся на деревянную вешалку с висящим на ней самым что ни на есть настоящим эсэсовским плащом и эсэсовской же фуражкой, а в другом углу ему померещился мумифицированный труп какого-

то мужчины в солдатских обмотках и буденовке, но он быстро отвел фонарик в сторону и шмыгнул в ближайшую дверь; и на исходе четвертого часа путешествия, когда Трентиньянов находился уже на третьем (если считать сверху) его этаже, ему показалось, что он блуждает здесь если и не всю жизнь, то уж оставшуюся ее часть будет блуждать точно.

Черта лысого я здесь найду, с тоской думал Вениамин Александрович, проваливаясь ногой в трухлявые остатки дээспэшного стола семидесятых годов двадцатого века и тут же пребольно ударяясь коленкой об дубовую целехонькую конторку времен Александра Первого. Собственно, то, что хорошая, сработанная из настоящей древесины, а не из прессованных с клеем опилок мебель здесь действительно прекрасно сохранилась, и толкало Вениамина Александровича на дальнейшие поиски, а когда он обнаружил помещение с мебелью, явно сделанной раньше девятнадцатого века и в одном из ящиков нашел замечательно сохранившиеся бумаги, исписанные чьим-то изящным, безукоризненным почерком, его сердце забилося сильнее, и он ощутил в себе тот азарт, который хорошо знаком археологам, исследователям, а также неугомонным искателям старинных кладов.

Трентиньянова, разумеется, никоим образом нельзя было заподозрить в отличном знании образцов канцелярской мебели конца шестнадцатого века, но этот сундук... Сундук был древним, сразу видно, и Вениамина Александровича потянуло к этому сундуку с неодолимой силой.

С трудом откинув тяжеленную крышку (замок отсутствовал), Трентиньянов посветил фонарем в пахнущее всеми прошедшими русскими веками нутро сундука и увидел на дне пергамент.

Если вы думаете, что чиновник тут же схватил этот пергамент руками и стал читать, то вы глубоко ошибаетесь и плохо знаете Вениамина Александровича. Нет. Еще накануне, обдумывая предстоящую экспедицию, он учел все до последней мелочи. Триста лет – не шутка. Даже в сухом микроклимате подвала документ подобной давности может не выдержать резкого обращения.

Вениамин Александрович залез в сундук с ногами, встал перед пергаментом на колени и осторожно сдул с него вековую пыль.

Буквы давно выпцвели, да и в старославянском Трентиньянов, прямо скажем, был совсем не силен, однако сердце его радостно и тревожно забилося, когда он сумел разобрать начальные слова: «Челобитная» и «купец Семенов сын Борисов...»

Да. Вениамин Александрович Трентиньянов был очень и очень предусмотрительным человеком!

На свет фонаря появилась баночка с тушью и тонкая колонковая кисточка. Обмакнув кисточку в тушь. Трентиньянов крайне осторожно вывел внизу пергамента: «Утверждаю» и свою подпись, потом достал из сумки печать отдела Болот и Лесов, которую накануне взял из сейфа, с нежностью подышал на круглое черное донышко и, мысленно перекрестившись, аккуратно приложил ее к пергаменту...

Тяжкий долгий гром прокатился от крыш до подвалов облисполкома.

Дрогнули стены.

– Спаси тебя Бог, боярин! – гулко каркнул за спиной голос купца Семена Борисова, полный невыразимого облегчения, и ветхий пергамент рассыпался на глазах в мельчайшую невидимую пыль.

Следующий день был воскресным, и Трентиньянов проснулся поздно.

Накануне, крайне утомленный, как физически, так и душевно, он свалился в постель, что называется без задних ног, но теперь чувствовал себя отдохнувшим и голодным.

Жена уже вернулась с рынка, и из кухни доносились восхитительные запахи.

За завтраком Вениамин Александрович смотрел по телевизору новости и вполуха слушал жену, которая рассказывала очередную городскую сплетню, подхваченную ею на рынке в короткой очереди за домашним творогом.

– ...представляешь?! Полностью исчезла за ночь, будто и не было ее вовсе! Тебе, как представителю областной администрации, это должно быть интересно.

Трентиньянов отставил чашку с кофе.

– Что исчезло? – спросил он.

– Ты меня никогда не слушаешь! – обиделась жена. – Свалка наша городская знаменитая, что воздух и речку Змейку отравляла столько лет, говорят, исчезла за одну ночь.

– За ночь? – поразился Трентиньянов. – Да ее и за год не вывезешь! Брежут люди, да и я бы знал, если что... – он вдруг осекся. В его хорошей зрительной памяти отчетливо всплыло еще два слова из челобитной купца Семена Борисова: «рька Змейка».

Забыв про кофе, Вениамин Александрович выскочил из-за стола, торопливо оделся, сказал жене, что скоро вернется (забыл на работе важный документ, а утром в понедельник он должен быть в готовом виде представлен начальству) и выскочил из дому.

К знаменитейшей городской свалке он подъехал на такси.

Про свалку эту можно было написать отдельный роман.

Она образовалась еще в конце девятнадцатого века, когда город Гревск, подобно многим другим городам Российской империи начал бурно и промышленно развиваться, и с тех самых пор являлась нескончаемой головной болью, как городского, так и губернского (а позже и областного) начальства. На свалке этой... Впрочем, не о ней речь. Не о ней речь потому, что свалки не было.

Исчезла.

Испарилась.

Провалилась сквозь землю и перенеслась в иное измерение.

Вениамин Александрович Трентиньянов в пальто нараспашку стоял на холме, который пересекала асфальтированная дорога, ведущая к свалке, и глядел вниз, на обширнейший изумрудно-зеленый луг, густо усыпанный цветами и сверкающий свежей летней травой в половину человеческого роста под ярким октябрьским солнцем. Рядом с Вениамином Александровичем стоял шофер такси.

– Не может быть, мля... – сказал, наконец, водила и протянул Трентиньянову раскрытую пачку сигарет.

Некурящий Вениамин Александрович машинально взял, прикурил от зажженной шофером спички и вдохнул терпкий дымок пополам с воздухом, крепко настоящим на безпестичных и безнитратных травах и цветах конца шестнадцатого века.

Обратно в город таксист довез Вениамина Александровича бесплатно, и всю дорогу до дома и после, вплоть до самого вечера и ночи, Трентиньянов впервые в жизни ощущал себя совершенно счастливым человеком.

Долина

Вода была холодной, словно февральская сосулька.

Я сделал несколько глотков и оторвал алюминиевую кружку от губ. В висках заломило.

– Из морозилки?

– Колодец.

На вид хозяину примерно шестьдесят, и я, случись драка или серьезная работа, предпочел бы иметь такого в соратниках, – прожитые годы, казалось, лишь придали мужчине крепости.

– Надо же. Глубокий колодец, наверное.

Не то чтобы мне очень хотелось завязать разговор, но отчего не переброситься парой слов, когда есть время и настроение? К тому же приехал я в эти края не на один день, и познакомиться с местным населением не помешает. Это никогда не мешает.

– Глубокий. Хоть и не в этом дело.

– А в чем?

– Место нужно уметь выбирать, – усмехнулся хозяин краем рта.

– Для колодца?

– Для жизни.

– Да, вижу, что это вы умеете, – вторым заходом я осушил кружку и огляделся. – И вода у вас вкусная да холодная, и красиво вокруг – душа радуется. Спасибо.

– Пожалуйста, – он принял кружку. – А вы куда путь держите, если не секрет?

– В Прибрежное.

– Отдыхать?

– В том числе. Но больше все-таки работать. Надеюсь.

Он приподнял черные, в отличие от уже седых волос, густые брови.

И то. Стоит перед вами человек лет примерно двадцати восьми – тридцати. Пол мужской. Рост – чуть выше среднего. Лицо бледное, очки в металлической оправе, усы и борода подстрижены, рюкзак новый. Руки чистые. Шорты, майка, сандалии на босу ногу. Явно городской. Но без своей машины. И что, спрашивается, он может здесь наработать? Смешно.

– Я писатель, – объясняю зачем-то, хотя меня никто не спрашивает. – Книги пишу. Слышал, в Прибрежном есть парочка недорогих частных отелей, в которых можно остановиться.

– Есть, – кивает хозяин. – Только...

– Что?

Он некоторое время смотрит на меня, словно прицениваясь. Или прицеливаясь. Глаза у него того же цвета, что и старые, выбеленные десятками стирок, джинсы, и я ловлю себя на странной мысли, что стрелять этот человек наверняка умеет. И при нужде у него найдется из чего.

Хозяин зачем-то переводит взгляд в небо, едва заметно вздыхает и говорит с ленцой:

– Июнь месяц, и луна убывает. Новолуние скоро.

– Очень рад, – говорю. – Это важно?

– Кому как. Вы впервые к нам?

– Да.

Лезу в карман, достаю сигарету, протягиваю пачку, угощая.

– Бросил, – в голосе тонкая нотка сожаления. – Но все равно спасибо.

Наклонившись к зажигалке, прикуриваю, бросаю исподлобья короткий взгляд на хозяина. Тот в явной задумчивости. Что за чертовщина? Давай уже, мужик, рожай.

– В Прибрежном три отеля, – говорит он. – «Солнечный», «Комфорт» и «Приют Диониса». Совет нужен или обойдетесь?

– «Солнечный» – звучит слишком просто, «Комфорт» – пошло, – не скрыл я своих мыслей. – А вот «Приют Диониса» мне нравится.

– Там хозяйка Марианна, – неторопливый кивок. Я бы тоже на нем остановился. И место хорошее.

– Правильно выбранное? – улыбнулся я.

– Точно, – он улыбнулся в ответ.

Я уже попрощался, сделал несколько шагов по дороге и зачем-то обернулся. Хозяина видно не было, но в окне второго этажа мелькнуло и пропало чье-то лицо. Как мне показалось, девичье.

Когда тебе выплачивают нехилый аванс за еще не написанную книгу, то можно поступить по-всякому.

Первый, он же самый скучный, вариант: немедленно сесть за работу. И практически не выходить из дома, пока ее не закончишь.

Второй: удариться в загул и празднество. Обнаружив, что от аванса осталась в лучшем случае треть, загул и празднество с сожалением прекратить и, после соответствующих оздоровительных процедур, опять же, сесть за работу. Из дома при этом выходить еще реже, чем в первом случае.

Третий: прогулять весь аванс. Опомниться, когда до сдачи текста останется всего ничего, и тогда уже даже не приняться за работу, а сдохнуть за ней. В известном смысле, разумеется, и уже безо всяких оздоровительных процедур. Но этот вариант подходит лишь для самых великих экстремалов.

Я не такой.

Поэтому выбрал четвертый: уехать из города. Лучше подальше. Эдак, за тысячу с лишним километров. К морю, в Крым.

Кто мне Долину посоветовал, не помню. Но вопрос решили три фактора: я никогда раньше здесь не бывал, у меня были деньги, чтобы устроиться с удобствами, место слыло мало-посещаемым даже в курортный сезон. Не люблю толп.

Так и сделал. В рюкзак – паспорт, ноут и самое необходимое из одежды, в карман – наличные и банковскую карточку, и – в аэропорт. Электронный билет уже заказан и оплачен. Три с лишним часа в общей сложности, и теперь мне осталось преодолеть два километра от Долины до Прибрежного. Всего.

Я мог бы взять машину в селе – там, на площади перед магазином и почтой, стояли три-четыре таратайки, скучающие водители которых покуривали рядом, ожидая клиентов. Но не стал. Два километра для человека, у которого затекли ноги сначала в самолете, а потом в автобусе, – не расстояние. Двадцать пять минут крейсерского хода. Много – тридцать. Что до жары, то я всегда ее хорошо переносил. Опять же виды. И запах. Чуть подвяленная солнцем трава, виноградники на склонах гор, дорожная пыль, море вдали.

Уже потом, раз за разом анализируя события тех дней и ночей (вернее, одной ночи и одного неполного дня), я неизменно приходил к выводу, что должен был насторожиться с самого начала. Недорогой, с полным пансионом, частный отель в десяти минутах ходьбы от моря на три четверти пустой в июне месяце. Разве так бывает? Тогда я принял данный факт как должное. И даже обрадовался – мол, правду говорили, что не много здесь народу отдыхает в это время. Замечательно! А почему так – не наша забота. Хозяйка Марианна, симпатичная дама лет сорока пяти, – мила и предупредительна. Номер на втором этаже трехэтажного здания под красной черепичной крышей – чистый и удобный. Электричество, горячая и холодная вода, интернет – в наличии. Готовят прекрасно, в чем я убедился в первые же полчаса после заселения, угодив как раз к обеду. Бассейн, волейбольная площадка, бильярд, турник, гамаки, кресла-качалки, беседки, чудесные цветы на клумбах, нежный газон, на который хочется немедленно лечь и уже не вставать. Что еще надо? По мне – полное удовлетворение. Даже слишком. Я

ведь работать сюда приехал. Вроде бы. Нет, никаких «вроде бы». Если хочешь или должен (что одно и то же, только не все это понимают) работать, то будешь работать в любых условиях. Хоть зимой в сыром полуподвале, хоть летом в частном отеле рядом с морем. Тут главное с самого начала не жалеть себя, настроиться на труд и соблюдать жесткий график. Я на второй же день установил следующий: подъем, завтрак, пляж и море – до 11 часов. Затем, с перерывом на обед, работа до восемнадцати тридцати. В семь вечера – ужин. А там, как получится. Можно посидеть со стаканом хорошего вина в кресле-качалке, можно побродить по живописным окрестностям: я люблю обследовать местность, в которой прежде не бывал, – никогда не знаешь на какие красоты и неожиданности наткнешься.

Вот на четвертый день, вечером после ужина, я ее и встретил. В заброшенной воинской части, расположенной у подножия холма, за виноградниками, километрах в полутора от «Приюта Диониса».

На часть наткнулся случайно, гуляя. Обогнул невеликое озерцо, смотрю – грунтовка, по которой явно ездят не чаще раза в месяц, травой почти заросла. Вдоль виноградника идет, в горку, потом явно вниз, но уже не видно, куда именно. Захотелось посмотреть. Пошел. На гребень поднялся, и вот они, железные ворота наполовину открыты, левая створка на одной петле болтается, чуть не падает, а на правой – пятиконечная звезда, вся в лохмотьях от облезшей, некогда красной краски. И КПП с заколоченным крест-накрест досками оконным проемом.

Девушка стояла спиной ко мне, сразу за воротами. Неподвижно, чуть склонив набок голову, словно прислушиваясь к чему-то. Легкое светлое платье, черные волосы и большая холщовая сумка через правое плечо.

Я подошел ближе и шагнул за ворота.

– Здравствуйте.

Она спокойно обернулась. Припухлые губы, темные брови, карие прозрачные глаза. Про такие говорят орехового цвета. Двадцать два-двадцать три, вряд ли больше.

– Здравствуйте.

– Какое забавное место, – я огляделся. С нарочитым интересом, потому что смотреть мне хотелось на нее.

– Что ж здесь забавного? Это очень печальное место.

– Извините, старая и дурацкая привычка.

– Говорить не то, что думаешь?

– И это тоже. Экая вы... прямая.

– Какая есть. А я вас знаю.

– ?

– Вы – писатель. Живете в отеле у Марианны. И еще вы разговаривали с моим отцом. Он вас водой поил. Из колодца.

Ага. Девичье лицо, мелькнувшее в окне второго этажа.

– Понятно. Значит, это вас я видел в окне?

Она покраснела. В сочетании с крепким загаром это выглядело прелестно. И волнующе. Тысячу лет не видел краснеющих девушек.

– Меня зовут Дмитрий, – сказал я. – Можно Дима.

– А Митя? – она улыбнулась. Черт возьми, и как это у некоторых получаются такие улыбки, от которых сразу как будто глупеешь? Загадка. Тайна веков, я бы сказал.

– Извольте.

Тыфу, блин. Подсознание шалит, не иначе.

– А я – Ксения, – ее рукопожатие оказалось неожиданно сильным. – Если осмелитесь, можете звать Ксюшей.

– Я похож на труса?

– Не похожи. Иначе вы бы здесь не оказались.

– Э... вы о чем? Тут водятся призраки?

– Не всегда. Только в это новолуние, которое уже сегодня. Да и не призраки вовсе, они живые. Только... – Ксения вздохнула и взяла меня за руку. – Пойдемте к морю. Там ждать удобнее. А папа скоро подойдет.

Живые призраки?! Папа?! Кажется, я попал. Куда не знаю, но точно попал. Однако попробуй упрись, когда такая девушка берет тебя за руку и невообразимо чудесным летним вечером ведет на берег моря. Через заброшенную воинскую часть. Где, между прочим, ни огонька. Да и откуда бы? А солнце-то вот-вот скроется за горами. Уже скрылось. Не знаю, что там в сумке у Ксюши, но хорошо, что в моей есть фонарик, бутылка вина, пластмассовый стакан и швейцарский перочинный нож. Скоротаем вечерок. Вот только папа...

Сквозь трещины в асфальте там и сям пробивалась трава, а кое-где и целые кусты. Мы миновали двухэтажный остов здания без крыши, и в накатывающих с запада густых южных сумерках я успел разглядеть у дверного провала табличку с надписью: «Штаб войсковой части...». Далее неразборчиво. Следом за штабом высился уже трехэтажный остов. Казарма, не иначе. Интересно, что за часть тут располагалась, и куда делась. Расформировали?

– Отдельный батальон морской пехоты, – сообщила Ксюша. – Их не расформировали. Передислоцировали десять лет назад.

Передислоцировали, надо же какие слова. И она что же, мысли читает? Да ну, ерунда. Дикобразу ясно было, что я думаю об этом. Хотя откуда бы взялся и где нынче тот дикобраз?

Я мог думать о чем угодно. Например, о ней. И даже в первую очередь о ней.

Хорошо. Она просто заметила, как ты повернул голову и прочел табличку. И сделала выводы. Элементарно, Ватсон. Дедукция. Хм. Мало, что красива так еще и умна?

– То есть, вот так вот все бросили и уехали? – я решил временно оставить вопрос о чтении мыслей.

– Ну почему же? Все, что нужно, с собой забрали. А здания эти, – она махнула рукой, – и так старые уже были. Дряхлые. Еще до войны построены.

– До какой?

Идиотский вопрос. Точно глупею.

– Великой Отечественной. Что здесь было в Гражданскую, я не знаю.

Надо же, она и в истории худо-бедно разбирается. Умеет отличить Великую Отечественную войну от Гражданской. Редкий случай по нашим временам.

На берег моря мы попали через здоровенную прореху в ржавой колючей проволоке, которая опоясывала часть по периметру. Спустились с пригорочка, уселись прямо на теплый, вобравший в себя все солнце прошедшего дня, крупный песок. Я огляделся. Ни людей, ни мусора, который обычно присутствие людей обозначает. Даже пустой пластиковой бутылки – этой неизменной спутницы цивилизации последних десятилетий, не видать. Прямо идеальное место. Там, куда я хожу сейчас, людей не слишком много, это верно, но все равно раздражает. Люблю безлюдные пляжи. Искупаться, что ли, раз такое дело? Вон какое море – тихое, спокойное, прибой еле шепчет. Сказка.

– Купаться будете? – Ксюша уже стягивала через голову платье.

Ох.

Платье упало на песок, и под ним оказался купальник. Но все равно – ох. Какие бедра, судари мои, а также господа-товарищи, какие бедра! Не говоря уже о груди и всем прочем. Как раз хватило угасающего вечернего света, чтобы успеть рассмотреть. Н-да, а плавки-то я не захватил. Ладно, сойдут и трусы. Благо, они чистые, темно-синие и весьма на плавки похожи. И живота у меня пока, слава богу, даже не намечается. Спасибо гимнастике и долгим пешим прогулкам.

Мы в охотку наплавались в ласковой воде и выбрались на берег, когда на небе зажглась уже далеко не первая звезда. Летом вечера на юге коротки, словно деловой разговор со ста-

рым другом, – поздоровались, узнали как жизнь, договорились о встрече, отключились. Но что радует – ночи теплые. Хочешь, ложись спать прямо на песке. Не замерзнешь. И звезды. Господи, какие же тут звезды! Доставляют по полной.

Эх, если б не папа, самое время достать бутылку вина и... Но нет, рисковать не будем, подождем. А пока совсем не стемнело, неплохо бы развести костерок. С костерком оно веселее.

Ксюша согласилась, что костер – это очень хорошо и приняла деятельное участие в сборе топлива. В качестве розжига я использовал пару листков из блокнота, который всегда ношу с собой – фиксировать неожиданные писательские мысли, – и очень скоро костер начал жить своей особой жизнью. Костры – они живые. Стоит достаточно долго понаблюдать за ними, чтобы это понять.

– Ага. И писатель здесь. Хорошо.

Я обернулся.

Отец Ксюши стоял в двух шагах и, как мне показалось, улыбался. Надо же, совершенно неслышно подошел.

– Меня зовут Дима, – сообщил я. – Можно Митя.

– А меня – Иван. Иван Сергеевич.

– Как Тургенева.

– Что? Ну да, наверное. Никогда Тургенев мне не нравился. Я Шолохова люблю. Вот это – литература.

Он сбросил с плеч рюкзак и уселся рядом на песок.

– Самое время перекусить, как считаете? Ночь коротка, а на рассвете времени позавтракать не будет.

– Почему? – спросил я.

– Сам поймешь. Если, конечно, увидишь.

– Он увидит, – сказала Ксюша. – И все остальное тоже. Я знаю.

– Думаешь? – отец коротко глянул на дочь.

– Уверена, – ответный взгляд.

– Да что увижу-то? – не выдержал я. – Призраков? Вы можете толком рассказать?

Они снова переглянулись.

– Ты, Митя, не обижайся, – сказал Иван Сергеевич, доставая из рюкзака еду и раскладывая ее на взявшейся оттуда же газете. – Если мы расскажем, ты не согласишься. Так что тебе решать. Хочешь – оставайся и жди с нами. Хочешь – иди ночевать в гостиницу. Ты ведь свободный человек?

– Надеюсь.

– Нет, так не пойдет. Свободный или нет?

– Свободный.

– Вот и выбирай.

Надо ли говорить, что я остался?

Мне снилась война. Великая Отечественная. Будто сижу я в окопе где-то посреди степи, а прямо на меня с отвратительным воем пикирует знаменитый немецкий бомбардировщик Ю-87. Он же «юнкерс», он же «штукас» и он же «лаптежник», прозванный так за неубирающиеся шасси, прикрытые обтекателями. А на обтекателях – сирены, называемые, понятно, иерихонскими трубами. Как же еще. Дабы оказывать психологическое воздействие на противника. Ох, и воет же, зараза. И впрямь хоть беги. Но сирена-то ладно. Он же, гад, не просто так пикирует – вот-вот бомбу сбросит. А то и не одну. Точность бомбометания, между прочим, у него весьма приличная. За это немцы и ценили... На фиг, пора просыпаться.

Я открыл глаза.

Прямо на меня с отвратительным воем пикировал знаменитый немецкий бомбардировщик Ю-87.

Опа. Сон во сне. Да еще один и тот же. Матрешка, е. Так бывает? Значит, бывает. Одну минуту. А где степь и окопы?

От Ю-87 отделились две черные точки и понеслись к земле. Бомбы! Самолет, продолжая завывать, начал выход из пике.

Твою мать!!

Единственное, что я успел – перекатиться под склон небольшого пригорка, с которого мы ночью спустились на пляж и прикрыть голову руками.

Удар! Второй!

Земля подо мной дважды дернулась. От грохота взрывов заложило уши, на спину шлепнулось несколько камней. Благо, маленьких. Показалось, что кто-то в отдалении закричал, но со слухом были пока нелады.

Я полежал еще немного, потом сел и поглядел в небо. «Юнкерс» уходил на север. Истратил бомбозапас? Маловато будет. Или уже где-то бомбил, а тут сбросил последние? Хотя, что я знаю о бомбовой нагрузке «штукас»? Ничего. Господи, о чем я думаю? Какая, к псам, бомбовая нагрузка? Это же сон. И он сейчас растает. Вот прямо сейчас...

Но таять сон не захотел. Как я ни тряс головой и ни щипал себя за руку, чертов «лаптежник» не исчезал. Он набрал высоту и уходил все дальше и дальше. Скоро совсем пропадет в утреннем небе. Но вовсе не потому, что я прогнал его из своего сна, а самым естественным путем. Его просто не станет видно. Кстати, и впрямь утро. Солнце еще не взошло, но вот-вот. Интересно, где Ксюша и ее папа? Если, конечно, они присутствуют в этом удивительно стойком сне. Погоди, Дима, постой. А если это не сон?

Не будь идиотом. Тогда придется предположить, что ты сошел с ума. Тебе это надо?

Так ведь Иван Сергеевич и Ксюша предупреждали вчера, что я сам все увижу и пойму. Если не испугаюсь и останусь. Я остался. Может, это оно и есть?

Что – оно? Что?!

Не знаю. Надо оглядеться.

Встал на ноги, прислушался. Уши почти отпустило, и до меня, со стороны части донесся шум двигателя, сквозь который пробился чей-то командный оклик:

– Петруничкин, твою через колено! Левый фланг, я сказал! Левый! Они скоро попрут! У нас минут двадцать, не больше!

С ноющим беспокойством в сердце я поднялся на пригорок и прирос к земле.

Заброшенную воинскую часть было не узнать. Почти исчезли кусты и деревья. Я отчетливо видел целехонькое двухэтажное здание штаба и рядом такую же казарму. Но главное – по всей территории сновали люди. Военные. Одеты в форму солдат Красной Армии. Нет, не все. Вон морячок мелькнул с винтовкой на спине. А вот сразу двое краснофлотцев тянут пулемет. «Максим», его ни с чем не спутаешь. Да что ж такое, кино, что ли, здесь снимают? А где режиссер и съемочная группа? И откуда взялся «юнкерс» с бомбами? Это тебе не компьютерная графика, все по-настоящему было. Да и вот она, воронка от бомбы, еще дымится в десяти шагах от меня. Второй, правда, не видно, но и она должна быть неподалеку. Бомбы-то было две. И взрыва тоже два... Мамочки, а это что?

Из-за казармы, взрыкивая двигателем, выдвинулся танк, развернулся на месте и пополз куда-то в сторону ворот части. Я проводил его изумленным взглядом. Великим знатоком военной техники времен Второй мировой меня назвать трудно, но это точно не Т-34. БТ-7? Похож. Легкий советский танк времен начала войны.

– Митя! Митя иди сюда, помоги!

Я вздрогнул и огляделся. Справа из-за невысоких кустов мне махала рукой Ксюша.

Вот она, вторая воронка. И рядом с ней... О, господи. Вот этот точно мертв – лежит, присыпанный землей, вместо живота – кровавая каша. И этот. Полголовы снесло. И каска не помогла. Вон она валяется неподалеку. И винтовка тут же. Трехлинейная винтовка Мосина. С

примкнутым штыком. Модернизированная. Калибр 7,62 мм, магазин на пять патронов, дальность боя...

– Митя!!

Ксюша сидит на коленях перед раненым красноармейцем. Вижу два красных треугольника в ромбе на петлицах. Сержант. Надо же, никогда бы не подумал, что помню такие вещи. Рука и голова сержанта перевязаны, сквозь свежие бинты проступает кровь. Синие глаза мутны от боли.

– Отделение, в укрытие... – шепчет он. – Отделение...

Умолкает, закрывает глаза.

– Его нужно отвести в лазарет, – говорит Ксюша и машет рукой в сторону казармы. – Он там, в полуподвале. Одной мне будет трудно, помощи, пожалуйста. А то сейчас немецкие танки начнут бить, на открытом месте нельзя оставаться.

Немецкие танки?!

Но этот вопрос я задаю про себя и сам себе. Понимаю шестым чувством, что сейчас не до вопросов. Надо оттащить раненого сержанта Рабочее-Крестьянской Красной Армии в лазарет.

Поднимаю и вешаю за спину винтовку. Не ту, мертвеца, – сержанта. Теперь сам боец. Сажаю, здоровую руку – за шею, обхватываю, встаю. Ага, кажется, на ногах держится. Хоть и плохо. Веду, а практически несущего сержанта по направлению к казарме. Ксюша поддерживает справа.

– Что происходит? – спрашиваю девушку.

– Война, Митя. Война. Я же говорила, что ты сам все увидишь и поймешь.

Видеть-то я вижу, но ни черта не понимаю. Откуда война, почему война? Провал во времени? Значит, правы всяческие прибабахнутые на всю голову охотники за снежным человеком, НЛОшники-уфологи и прочие исследователи параллельных миров? Не может быть. Ага. Тогда кого ты сейчас тащишь в лазарет, господин писатель? Нет, отставить. Товарищ писатель. Обращение «господин» лучше пока забыть. Надолго? Понятия не имею. Пока это все не закончится. Если, конечно, закончится.

Я хотел спросить об этом у Ксюши, но в последний момент передумал. Если она и ее отец знали, что произойдет в это новолуние, то о чем это говорит? О том, что не в первый раз они сюда попадают. Вон и про немецкие танки Ксения знает. Что вот-вот начнут бить. Значит? Значит, они здесь были и вернулись в свое – наше – время живые и невредимые. Поэтому будем воспринимать все как страшное, но чертовски интересное приключение. Хотя бы для того, чтобы произвести впечатление на Ксюшу. Пусть видит, что рядом с ней не истерик-паникер, а спокойный, уверенный в себе мужчина. Которому все нипочем. Даже провалы во времени и война с немецко-фашистскими захватчиками. Опять же и нагрузка на собственную психику сразу совсем другая. Да, война. Но она для меня очень скоро закончится. Наверняка закончится. Может быть, уже через час. Ну, два. «Эй, а если тебя убьют? – шепнул кто-то в моей голове. Громко шепнул. – Тогда уж точно все закончится. Бомбы-то здесь настоящие. Значит, и снаряды с пулями тоже». Однако обдумать как следует эту актуальнейшую мысль я не успел.

Начали бить танки. Откуда-то со стороны дороги, ведущей в Долину. Мы как раз успели доставить сержанта в полуподвал казармы, где уже лежало и сидело четверо раненых. Трое солдат и один моряк. Также здесь находилась медсестра – коротконогая девушка с кудрявыми волосами каштанового цвета, молодой явно моложе меня – парень со впалыми щеками, серьезными глазами и тремя старлейскими кубарями в петлицах и еще двое вполне живых и здоровых бойцов. Пехотинец и моряк. У пехотинца все та же трехлинейка за плечом, а вот у морячка на груди висит ППШ пистолет-пулемет системы Шпагина, если память мне не изменяет. На бескозырке надпись – «Бесстрашный». И взгляд с таким же прищуром. Бесстрашный. Света из высоко расположенных окон полуподвала вполне хватало, чтобы все это рассмотреть. Я и не заметил, как взошло солнце.

Бам! Ба-бам! Бам!!

Снаружи рвались снаряды. Какой там был калибр у пушки самого распространенного среднего немецкого танка Pz-III? Точно не помню, но, кажется, меньше сорока миллиметров. Вроде бы ерунда. Особенно, когда читаешь об этом в книжке или Сети. А вот когда эти почти сорок миллиметров падают тебе на голову... – Сюда, сюда, – засуетилась медсестра, – сюда ложите, на матрас.

Мы с Ксюшей аккуратно поместили раненного сержанта, куда было сказано. Я снял винтовку и оставил ее рядом с матрасом.

– Так, – произнес лейтенант ровным голосом. – Кто такие?

– Местные, – сказала Ксюша. – Из Долины. Меня зовут Ксения.

– Дмитрий, – представился я.

Сверху грохнуло, совсем близко, и моя голова сама нырнула в плечи. Морячок с «Бесстрашного» негромко засмеялся. Лейтенант лишь покосился в его сторону, и тот сразу же умолк.

– Почему не на фронте, Дмитрий?

Начинается. Интересно, он имеет право задавать мне такие вопросы? Брось. Он здесь и сейчас на все имеет право. А ну как прикажет обыскать? Вот этому морячку с ППШа и прикажет. И тот с превеликим удовольствием приказ выполнит. Еще и шорты на мне эти... Хлопковые, до колен, шесть карманов. Хорошо хоть на пуговицах, а не липучках. И майка простая, зеленая, без всяких картинок и надписей. На ногах – «кроксы», модная нынче летняя обувь, особенно в Европе и Штатах. Очень удобная, специальный полимерный состав. Ладно, сойдут за необычные резиновые тапочки. Так. А в карманах что? Что у него, так сказать, в карманах? Вот это уже гораздо хуже. Смартфон у меня там, полпачки иностранных сигарет, одноразовая газовая зажигалка, швейцарский перочинный нож и блокнот с гелевой ручкой. Ох, е. Найдут – не отбоярюсь. Сразу к стенке. Смерть шпионам и все такое. Господи, прonesи.

– Бронь у меня, – говорю, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. – Я писатель. Вовремя эвакуироваться не успел по... – Я посмотрел на Ксюшу и твердо продолжил: – По личным причинам. А потом уже было поздно.

– Писатель? – заинтересованность в глазах. Нет, все-таки тогда к писателям совсем другое отношение было. Правильное. Уважали писателей и берегли. Это я верно решил – правду сказать.

– Да.

– А как ваша фамилия?

Бамм! Бабам!! Бамм!

Мама дорогая, а ведь после танкового артобстрела в атаку наверняка пойдет немецкая пехота. Хорошо обученная. С рукавами, закатанными по локоть, поливая все огнем из «шмайсеров» на уровне бедра. При поддержке все тех же Pz-III или что там у них. Ладно, пусть рукава будут опущены, а «шмайсеры» заменят винтовки системы «маузер». Тоже ничего приятного. Отступать-то некуда – Черное море позади. Как же это я сразу не сообразил...

– Швецов, – говорю. – Дмитрий Алексеевич Швецов.

Старший лейтенант посмотрел на морячка, тот сделал понимающее лицо.

– Кажется, слышал, – сказал старший лейтенант совсем другим тоном.

Уф-ф...

Наверху утихло, и на самом краю этой тишины тут же возник пока еще далекий, едва слышный, гул танковых двигателей.

– Пора, – старлей привычным движением поправил фуражку на голове. – Ну что ж, товарищ писатель. Советую вам сидеть тут и не высовываться. Будете помогать принимать раненых. И вы, Ксения, тоже.

И тут я сделал то, чего никак от себя не ожидал. Шагнул вперед, принял стойку «смирно»:

– Товарищ старший лейтенант, разрешите участвовать в бою. Стрелять умею, оружие возьму у раненых. Обещаю, что не подведу.

– Служили в армии?

– Был на трехмесячных военных сборах, – не стал я врать. Наверняка же в то время тоже были какие-то военные сборы. Не могли не быть.

– А вы знаете, что вас почти наверняка расстреляют, если попадете в плен к немцам с оружием в руках? – осведомился старлей.

– Меня раньше убить могут, – пожал я плечами. Семи смертям не бывать, а одной не миновать.

– Что ж, это ваше решение. От помощи не откажусь. Берите винтовку, патроны и бегом на правый фланг. Найдете старшину Кивенко, скажете, я прислал. Старший лейтенант Артемьев.

– Есть! – ответил я по-уставному.

Старший лейтенант Артемьев развернулся на каблуке и в сопровождении солдата и морячка быстро вышел за дверь.

На то, чтобы снять с раненого сержанта ремень с запасными обоймами в кожаных чехлах, надеть его на себя и поднять винтовку с примкнутым штыком, много времени не понадобилось.

– Смотри, писатель, не потеряй, – шепнул сержант. Ему явно было плохо, но он старался не терять сознания. – Мне еще с ней воевать.

– Все верну, сержант, – ответил я ему. – Отдыхай и ни о чем не беспокойся.

На пороге я обернулся и поймал взгляд Ксюши. И этот взгляд мне понравился.

Первую атаку мы отбили сравнительно легко. Потом от старшины Кивенко я узнал, что, кроме легкого БТ-7 (легкий-то он легкий, но пушка на нем – сорокапятимиллиметровая), в нашем распоряжении имелась еще одна обычная противотанковая «сорокапятка» и кое-какой запас снарядов к ней. Вот они и решили дело. Три из пяти шедших на нас немецких танков (кажется, это и впрямь были Pz-III, но ручаться не могу) они подбили из заранее оборудованных позиций, подпустив поближе. Оставшиеся два, огрызаясь на ходу огнем, поползли назад. А за ними отступила и пехота.

Не знаю, сколько немецких солдат я убил. Не считал. Но больше пяти – точно. Винтовка сержанта оказалась хорошо пристреляна, и страха не было никакого, аж сам удивился. Ни перед своей смертью, ни перед чужой. Может быть, глубоко в подсознании я по-прежнему считал, что все это сон или наваждение? Не знаю. Но врагов расстреливал, словно в тире. Спокойно и методично. Не тратя зря патроны.

Отходняк пришел, когда немцы откатились, и стрельба с обеих сторон утихла. Неожиданно ослабли ноги. Совсем. Я сел прямо на дно неглубокого окопа и подумал, что в самый раз бы сейчас покурить, но отказался от этой мысли. Вытаскивать из кармана пачку иностранных сигарет да еще и выпущенных в следующем веке, неразумно. Ничего, потерплю.

Подошел старшина Кивенко – невысокий худощавый мужик лет сорока с обветренным загорелым лицом. Молча остановился в двух шагах. Я поднялся на ноги. Кажется, держат.

– Хорошо стреляешь, писатель.

– Спасибо.

– Есть предложение, – у него были глаза человека, который точно знает, чего хочет.

– Слушаю.

– Видишь эту гору или, точнее, холм? – он показал рукой.

Я посмотрел. Холм высился справа от воинской части, если стоять лицом к морю. Северная его сторона была пологая, а южная обрывалась в море.

– Так точно, вижу.

– Что ты о нем думаешь?

Холм как холм, что о нем думать... Или это проверка нового бойца на сообразительность? Он похвалил меня за меткую стрельбу. Ну-ка прикинем. С вершины холма до дороги –

километра полтора. Плюс-минус. Далековато, прямо скажем, для эффективного винтовочного огня. Но ведь немцы, если подтянут подкрепления и снова решатся атаковать, подойдут ближе, как это уже было. И тогда...

– Неплохую позицию для снайпера можно наверху оборудовать, – сказал я.

– Правильно, – кивнул старшина. – Сможешь? Винтовку с оптическим прицелом я тебе дам. Осталась от Вахрушина, его убило три дня назад, когда мы из окружения выходили. И вот опять в капкане. На этот раз, кажется, мертвом. Самое главное, потом уйти сможешь, когда нас... – он помолчал. – По берегу моря. Ты гражданский, глядишь, и пронесет. Винтовку бросишь и уйдешь.

– Нет уж, – сказал я. – Любое дело следует доводить до конца. Каким бы этот конец не был.

– Конец тут будет один, – сказал Кивенко. – На всех. Но наша задача сделать так, что бы конец этот обошелся немцам очень дорого.

Трехлинейная винтовка на брезентовом ремне и патроны с той головкой, что страшны любой броне, трехлинейная винтовка на брезентовом ремне и патроны с той головкой, что страшны любой броне...

Строчка из «Василия Теркина» крутилась в голове безостановочно, замкнувшись сама на себя. Со снайперкой за плечом, патронами, флягой, наполненной водой, саперной лопатой в чехле и каской на голове я поднимался по восточному, довольно крутому склону то ли горы, то ли холма. В сочетании с майкой, шортами и «кроксами» на ногах видок еще тот. Жаль, никто из друзей-знакомых не видит. И не увидит. Эй, а почему, собственно? Смартфончик-то у меня с собой.

Я остановился, посмотрел по сторонам. Никого. Вытащил мобильник и вжикнул несколько «селфи» с вытянутой руки. Получилось не очень, но общее представление есть. Кстати, правильная мысль. Сейчас устроюсь наверху и сниму десяток панорам. Чтобы потом самому себе поверить. Если оно будет, это «потом».

Сунул телефон в карман и снова зашагал вверх. Трехлинейная винтовка на брезентовом ремне...

Бронебойных патронов у меня всего одна обойма, на всякий случай. Остальные – самые обычные. А вот винтовка теперь особая – снайперская. Оптика, и канал ствола более тщательно обработан. Дальность гарантированного поражения, как заявил старшина Кивенко, до восьмисот метров. А если пристреляться да приноровиться, то и вся тысяча.

– Только не будет у тебя времени принаравливаться, – объяснил старшина. – Ни времени, ни патронов. Они у нас и так на исходе. Поэтому бей фашиста только наверняка. И насмерть.

Когда в небе загудели моторы «юнкерсов», я как раз успел открыть себе вполне приличную ячейку и заканчивал сооружение маскировочного венка на каску на вершине холма очень кстати росли подходящие для этого дела голубенькие цветочки неизвестного мне названия и мелкие полевые ромашки. Хорошо в детстве соседская девчонка научила в деревне венки плести. Вот и пригодилось. Как же ее звали-то... Вика?

На этот раз «штука» прилетело аж четыре штуки, и было ясно, что намерения у них самые что ни на есть серьезные.

Так оно и оказалось. Я сидел в своем укрытии на вершине и, закусив губу, наблюдал, как «лаптежники» один за другим, с выматывающим душу воєм, входили в пике, неслись чуть ли не отвесно вниз и сбрасывали бомбы на головы нашим. Один отбомбился, второй, третий... Память смартфона цинично наполнялась хоть и не вполне качественными, но уникальными снимками. Нет, больше терпеть это невозможно. У меня только пять бронебойных, но они есть. И оптика. И восьмисот метров гарантированного поражения. На какой минимальной высоте «юнкерс» выходит из пике? Не знаю. Но и так видно, что около пятисот метров. Попробуем, чем черт не шутит...

Заряжаю снайперку бронебойными, слежу за четвертым «лаптежником», который вслед за остальными как раз начинает пикировать на наши позиции. Бить его сейчас бессмысленно. Вот на выходе, когда потеряет скорость... Главное, не забыть про упреждение... Интересно только, какое. Корпуса хватит? «Юнкерс» сбрасывает бомбы, начинает выход из пике. Ловлю его в оптический прицел, чисто интуитивно беру упреждение, стреляю. Передергиваю затвор и стреляю еще раз, уже почти наугад.

Не знаю, какой выстрел достиг цели, первый или второй. И понятия не имею, куда я попал. Но, судя по всему, в пилота, потому что одномоторный бомбардировщик-штурмовик, так и не завершив выход из пике, заваливается на левое крыло, на мгновение зависает в воздухе и падает, падает... Падает! Он падает, мать его!!!

– Да!!! – ору во весь голос, потрясая винтовкой.

Оранжевый шар взрыва, черный дым столбом в небо. Хорошо чуть в стороне упал, за пределами части. Тройка «юнкерсов» уходит на север. Слышу, приглушенные расстоянием, радостные крики «ура!» и ловлю себя на том, что счастливо улыбаюсь. Вот так вот. Уничтожил страшного врага – и счастлив. А потом еще удивляемся, почему человек воевать любит... Ой-ой-ой. Философ хренов. Готовься, философ. Вон уже со стороны дороги доносится шум моторов. Так, смотрим. Около десятка танков, грузовики, полные солдат, мотоциклы, легковушка, полугусеничный тягач с пушкой на прицепе. Не слабо. Подкрепление к немцам прибыло, кто бы сомневался. Ну, сейчас начнется. Держитесь, ребята.

Патроны кончились как раз в тот момент, когда немецкие танки и пехота, несмотря на тяжелые потери, все-таки ворвались на территорию обороняемой воинской части и там, внизу, завязался рукопашный бой. У меня оставалось еще три бронебойных, и все их я выпустил по танкам. Безрезультатно.

И что теперь делать?

Бросить винтарь, спуститься с западной стороны холма или даже, чтобы уж наверняка не заметили, с обрывистой южной и уходить берегом моря? Но там, внизу, в полуподвале казармы, – Ксюша, медсестра, раненый сержант, и другие раненые, которых наверняка стало гораздо больше. И Ксюшин папа Иван Сергеевич, я еще десять минут назад видел его в прицел винтовки, он сменил убитого пулеметчика и вел огонь по наступающим немцам. И старший лейтенант Артемьев, и морячок с «Бесстрашного», и старшина Кивенко, и все остальные – живые и мертвые. Наши.

Я подхватил винтовку, выскочил из ячейки и побежал вниз по склону. Мне были нужны патроны. Или хотя бы винтовка с примкнутым штыком.

Мобильник в кармане запел дурным голосом, когда до подножия холма оставалось шагов двадцать – двадцать пять. От неожиданности я оступился, чуть не загремел по склону, но в последний момент сумел удержать равновесие и затормозить. Телефон подал голос снова. Громко и настойчиво. Черт, давно хотел сменить рингтон, уж больно наглый, да все руки не доходили.

Я выхватил устройство связи двадцать первого века из кармана и уставился на дисплей. Галина. Моя, как бы это сказать помягче, полулюбовь. Красивая мордашка, сексуальная фигура и явный дисбаланс мозга в голове. Только вечное мое нежелание обидеть человека до сих пор мешает нам окончательно разбежаться. Это если не считать хорошего секса.

Телефон не умолкал. Было что-то абсолютно нереальное в этих электронных звуках, накладывающихся на звуки близкого боя.

Я нажал соединение.

– Слушаю!

– Димочка, привет, это я!

Звонкий радостный голос из будущего. Ничего не понимаю.

– Ты почему не звонишь? Как ты там? Я скучаю! И что это за шум? Петарды, что ли запускаете? Фейерверк? Так день же, вроде, на дворе!

Видела бы ты эти петарды...

– Галь, все хорошо, извини мне сейчас не совсем удобно с тобой говорить. Давай я тебе перезвоню через полчаса.

– А не обманешь? Слушай, хочешь, я к тебе приеду? У меня как раз свободная неделя будет. Начальник, представляешь, вдруг подобрел ни с того ни с сего и согласился...

Я стоял, как столб. Очень плохо соображающий столб. Возле уха – смартфон, в правой руке – снайперская трехлинейная винтовка системы Мосина, в голове – полный бардак, столпотворение и салат оливье из мыслей и эмоций.

Черт, надо бы укрыться, что ли. Хотя на фига? Если все это ненастоящее, то... Погоди. Как это – ненастоящее? Ты же все видел, слышал и ощущал. Снимков понаделал. И сейчас все видишь, слышишь и ощущаешь. Там, в сотне метров, на территорию части прорвались немцы, идет бой, а ты стоишь тут, как последний трус и...

И тут в меня попали.

Я выронил винтовку с мобильником и с размаха сел на землю. Не удержался, повалился на бок. Ох, как же больно... Провел рукой по груди, поднес ладонь к глазам. Кровь. Надо же. Вот тебе и ненастоящее... День стремительно мерк, превращаясь в черную и глухую ни проблеска, ни звука – непобедимую и бесконечную ночь.

Кто-то лил мне на лицо холодную воду. Эй, да хватит уже! Я закрылся рукой и разлепил глаза. Надо мной склонились двое – Ксюша и ее папа Иван Сергеевич.

– Живой, – удовлетворенно констатировал папа. А ты боялась.

Я сел и первым делом ощупал и осмотрел грудь. Все цело, ничего болит. Только майка мокрая. Надо понимать от воды, которую на меня только что лили.

– Где мы?

Но я уже и сам видел, где. Тот же берег, где вчера заночевали у костра. А вот и сам костер, уже погасший. Достал мобильник, глянул на часы. Значит, все-таки сон? Или что-то было подмешено в вино, которое я пил или еду, которую я ел? Но вино-то в магазине покупалось, а вот еду Иван Сергеевич принес из дома. Так. Хорошо здесь шутят над приезжими, нечего сказать. Ясно теперь, почему их так мало в самый разгар сезона. Но какой смысл? А по фигу, какой. Вот не нравятся им отдыхающие и все. Меньше народа – больше кислорода.

Я вскочил на ноги.

– Ладно, – говорю. – Спасибо, что называется, за компанию. Больше мы вряд ли увидимся, так что прощайте.

– Подожди, Митя, – сказала Ксюша. – Мы догадываемся, о чем ты думаешь, но все было по-честному, без обмана. Ты и правда видел то, что видел и делал то, что делал. Хочешь, подробно расскажу? Как раненого сержанта тащили. Как лейтенант Артемьев умер у меня на руках?

– Как старшина Кивенко дал тебе снайперскую винтовку и отправил на гору, – добавил Иван Сергеевич. Ты отлично стрелял, я видел. Без тебя мы бы не отбили вторую атаку. Мы ее никогда не отбиваем.

– То есть? – не удержался я от вопроса.

– Я переживал новолуние одиннадцать раз, – сказал Иван Сергеевич. – Ксюша – четыре. Это было двенадцатое для меня и пятое для нее.

– И впервые все закончилось по-другому, – сказала Ксюша. – Мы отбили вторую атаку. С очень большими потерями, дошло до рукопашной, но отбили.

– А потом с моря подошел наш крейсер, – продолжил Иван Сергеевич. – Выслал шлюпки, и под прикрытием огня из корабельных пушек, всех эвакуировали. Кроме мертвых. Мертвых оставили здесь.

– И вас?

– Что – нас?

– Вас, говорю, тоже оставили здесь?

– Мы сами остались, – сказала Ксюша. – Новолуние же не вечно продолжается. Наше время вернулось, как только шлюпки отошли от берега. Само. Так всегда бывает. Только раньше все заканчивалось плохо, наши погибали, и немцы добивали раненых, а теперь – хорошо.

– Что значит, наши все погибали? И вы тоже?

– И мы, – просто ответила Ксюша. – Я как-нибудь потом тебе расскажу, ладно? Сейчас не хочется.

Я попытался представить, каково это – умирать, зная, что оживешь, а потом снова идти на смерть, и не смог.

– А телефон? – спросил, вспомнив.

– Что – телефон?

– Откуда у меня в кармане телефон взялся? Я же его выронил – там, на склоне, когда в меня, когда меня...

– Когда тебя убили, – подсказал Иван Сергеевич. Мы с Ксюшей тебя сюда перенесли. И телефон твой подобрали и в карман тебе положили.

– Принесли его домой, оказался он живой, – пробормотал я. – Ну-ка, проверим... Хотите посмотреть?

Они хотели.

Все снимки оказались на месте. И я сам – в каске и со снайперкой за плечом, и панорама воинской части, и пикирующие «юнкеры», и десяток немецких Pz-III, идущих на наши позиции при поддержке пехоты со стороны дороги. А больше я и не снимал – не до этого стало.

– Странно, как мы сами не догадались сделать это раньше, – почесал в затылке Иван Сергеевич. – Ну я-то, старый пень, ладно. А вот ты, дочь, как дитя двадцать первого века, могла бы и сообразить.

Ксюша только вздохнула и пожала плечами.

Я сижу на балконе своего номера. Передо мной на журнальном столике початая бутылка вина, сигареты и мобильный телефон. Мне есть о чем подумать, и я думаю. О Ксюше, местном июньском новолунии, войне и мире, прошлом и будущем. Иван Сергеевич пригласил заходить в любое время, и я обязательно зайду. Как только немного разберусь в себе и в том, что нам пришлось пережить. Отвечу хотя бы на часть вопросов. Например, почему данным явлением до сих пор не заинтересовались ученые. Отдыхающих-то здесь в это время мало, понятно теперь отчего. Страх неосознанный испытывают. И тревогу. А некоторые, может быть, что-то и видят. Но кто станет рассказывать? Засмеют ведь. Или, того хуже, сочтут психом на всю голову. Что же до ученых, то какие у нас теперь ученые... Одни за границей трудятся, другие с лженаукой борются. Из всех сил. А тут как раз тебе самое что ни на есть лженаучное явление и расцветает раз в году. Вот и получается, что самый главный вопрос, как и всегда, все тот же.

Что делать дальше?

За неимением ответа делаю глоток вина, закуриваю, и неожиданно приходит понимание. А ничего специально не делать. Пока. Я приехал сюда работать. Значит, нужно закончить работу. Времени у меня навалом. И, конечно же, ближе познакомиться с Ксенией. Кажется, эта славная девушка зацепила меня не на шутку. Но сначала позвонить Гале и, наконец, определиться с нашими отношениями раз и навсегда. Надеюсь, теперь мне хватит решимости. Это не намного страшнее, чем убивать врагов. Человек я свободный, до следующего июньского новолуния еще целый год, и никто не мешает мне вот прямо сейчас помечтать, что я его дождусь. Вместе с Ксюшей. А там – посмотрим.

Имя для героя

*Любые совпадения имен и фамилий с реально существующими
носят исключительно случайный характер.*

Автор

Разнообразием закусок и выпивки стол не отличался, но того, что на нем имелось, для двух, сидящих за ним мужчин, было вполне довольно. Имелось же на нем следующее: разломанная на щедрые куски гриль-курица, черный хлеб, свежие помидоры и огурцы, молодая вареная картошка, аджика, соль, крупный пучок черемши и початая литровая бутылка водки.

Веранда садового домика, на которой выпивали и закусывали мужчины, выходила своей длинной стороной на сад-огород. Короткая же сторона граничила с забором-штaketником, за которым тянулся голый, поросший редкой травой, пустырь.

Сразу за пустырем начиналось городское кладбище и отсюда, с веранды, при желании можно было разглядеть могильные кресты, памятники и фигурки людей, пришедших навесить дорогой им прах.

– Как тебе соседство, кстати? – спросил Жора Игнатенко, разливая по рюмкам водку и одновременно кивая в сторону погоста.

Его сотрапезник и владелец дачного участка, писатель Юрий Десятник взял наполненную рюмку и подмигнул старому товарищу:

– А что – соседство? Нормально. Я их не трогаю, ну и они меня тоже... не трогают. Так и живем.

– За это и выпьем, – предложил Жора.

Закусив, писатель достал из пачки сигарету, прикурил от спички и со вздохом откинулся на спинку стула. – Хорошо сидим, – сказал Жора.

– Хорошо, – подтвердил Юра и снова вздохнул.

– Чего вздыхаешь, сочинитель? – проницательно глянул на друга Игнатенко. – Солнышко, лето, суббота, водочка. Закуска, опять же. Мало тебе? Девчонкам можно позвонить.

– Э, не в девчонках счастье...

– Вот чудак, – с интонациями Карлсона, который живет на крыше, сказал Жора. – А в чем же еще?

– Не в чем, а когда, – назидательно поправил его Десятник. – Когда писатель счастлив?

– Когда гонорары часто и много, – предположил Жора.

– Ну, гонорары, конечно, тоже... того... не помешают. Но не это главное. Главное, когда работа идет. Тогда точно знаешь, что и гонорары будут, и любовь читателя, и самоуважение, и все остальное.

– Кто б сомневался. А у тебя что, не идет?

– Да не то, чтобы совсем не идет, но, понимаешь, возникла одна трудность. Три дня уже бьюсь, зараза, и ничего не выходит.

– Что за трудность?

– Да, вроде бы, мелочь, ерунда. А из-за нее книга стоит.

– Тьфу, черт! Что ты ходишь вокруг да около? Я, конечно, не писатель, но, что касается преодоления разного рода трудностей, кому хочешь сто очков вперед дам. Давай, еще по одной и рассказывай.

Они выпили, и хозяин дачи поведал другу Жоре о своем творческом затыке. Как оказалось, новая книга встала из-за того, что писатель Юрий Десятник никак не мог найти для своих героев имена и фамилии.

– Понимаешь, – с жаром объяснял он, – имена персонажей – это очень важная вещь. Они должны подходить, как... ну, как хорошая обувь к ноге подходит. Чтобы нигде не жало и не терло. Чтобы ноги не парились, не мерзли и не уставали. В общем, удобно должно быть. Так же и с именами. Раньше мне удавалось подбирать героям верные имена, а сейчас что-то застопорилось. То совсем уж избитое и серое подворачивается, то, наоборот, слишком яркое, вычурное. А уж о фамилиях я вообще молчу. Совсем завал. Видно, иссяк. Весь запас приличных фамилий на других героев истратил. А новые взять негде. И придумать не могу. Какая-то сплошная пошлятина в голову лезет да несуразица.

Писатель замолчал и потянулся к бутылке.

– Тю! – засмеялся Игнетенко. – Я думал, что серьезное, а тут... Имена с фамилиями! У тебя что, мало друзей и знакомых? Бери да пользуйся.

– Дурак ты, Жора, – обиделся Десятник. – Я серьезно, а тебе все хаханьки. Ну, сам подумай. Нельзя писателю использовать имена живых людей. Особенно знакомых. Сразу все начнут сравнивать героя литературного с этим конкретным человеком. Сплетни тут же пойдут, обиды, недоразумения. Объясняй потом всем и каждому... Вот, представь, что я дам какому-то персонажу твое имя и фамилию. Хочешь, расскажу, как это воспримут? Если персонаж будет отрицательным, обидишься ты и те, кто к тебе хорошо относится. Если положительным, но не похожим на тебя, люди решат, что я или нюх потерял или подхалимничаю зачем-то. Да тебе и самому будет неловко. Если ни то, ни се, то и вовсе будет непонятно. Зачем, скажут, он это сделал? Почему? Что это за серенькая такая незаметная личность выведена под именем Жоры Игнатенко в новом романе известного писателя Юрия Десятника? И чем все кончится? Да тем, что мы с тобой насмерть рассоримся, и дружбе нашей придет конец. То же и с остальными моими друзьями и знакомыми. Понимаешь, все должно быть естественно. Когда все естественно, то даже случайное совпадение не напрягает. Ни меня, ни читателя.

– Ишь ты, сложности какие, – хмыкнул Жора. – Куда там твоей политкорректности. Но ты, наверное, прав. Извини, не подумал. Но ничего, первый раз не считается. Сейчас еще разок подумаем.

Игнатенко закурил и устремил взгляд поверх головы друга-писателя в направлении пустыря.

– Ну-ну, – сказал Десятник, берясь за бутылку, – думай. Только не очень долго, а то водка нагреется.

– Не нагреется, – рассеянно пробормотал Жора. Сейчас я... О! Есть! – его глаза весело расширились. – О-бал-ден-на-я мысль! По-моему.

– Я весь внимание, – заверил писатель.

– Ты, кажется, сказал, что нельзя брать имена живых людей. Так?

– Ну, не то, чтобы совсем нельзя... Нежелательно.

– Хорошо. Посмотри вон туда, – Жора ткнул пальцем за спину Десятнику. – Что ты видишь?

– Мне и смотреть не надо, – сказал Юра, не оборачиваясь. – Нет там ничего. Пустырь.

– А за пустырем? – не унимался Жора.

– Ну, кладбище. И что?

– Еще не догадался? Самое большое кладбище в городе. Действующее. Тысячи захоронений. И тысячи имен и фамилий. А заодно и отчеств, если понадобится. Подумай. Тебе всего-то и надо, что прийти туда с блокнотом и подобрать нужные имена. Ну, как идея, а?! С тебя бутылка, не считая этой.

И Жора с победным видом поднял рюмку и провозгласил:

– За то, чтобы мы всегда находили выход из любого положения!

Десятник машинально выпил и почесал лоб.

– Черт возьми, – неуверенно улыбнулся он. – Ты знаешь, а ведь в этом что-то есть! Определенно есть. Особенно, если брать имена со старых могил. Со старых и заброшенных, о которых уже никто не помнит. Спасибо. Голова! Завтра же и попробую.

– А что не сегодня? Солнце еще высоко.

– Сегодня я выпил, – назидательно пояснил Десятник. – И вообще, отдыхаю. Нет, только завтра. Тем более, что если и завтра, на трезвую голову, мне твоя идея покажется достойной, то, значит, она точно хороша, и ее можно смело воплощать в жизнь.

На следующий день Юрий Десятник проснулся довольно поздно и сразу же вспомнил о вчерашнем разговоре. Некоторое время он лежал, стараясь уловить теперешнее свое отношение к неожиданной идее друга.

Пока не попробуешь, не узнаешь, наконец, решил он про себя. Сейчас, вот, позавтракаю и пойду. Проверим Жоркину мысль в деле. Действительно, интересно может получиться.

Умывшись, одевшись и позавтракав чашкой кофе и двумя бутербродами с сыром, хозяин дачи прихватил с собой легкую сумку через плечо, бросил в нее блокнот для записей, шариковую ручку и сигареты, сунул босые ноги в сандалии и отправился на кладбище.

От калитки его дачи до первых могил, если идти по дороге, было около двух километров, и поэтому он пошел напрямик, через пустырь, по одной из тропинок, протоптанной к обиталищу мертвых живыми.

Десятник шел по тропинке, оглядывал просторный загородный горизонт с дальним синеватым леском и редкими клочковатыми облаками над ним и размышлял о том, почему некоторые люди столь охочи до посещения кладбищ.

И ведь не только пожилые, думал он, а и вполне себе жизнеспособные и молодые. Традиция? Любопытство? Затаенный страх перед чертой, которую рано или поздно каждому надо будет перейти? Дань уважения и памяти тем, кто уже там, а не здесь? Но ведь ритуал, не больше. Уважение и любовь нужно испытывать в сердце, а не на могиле. Впрочем, наверное, многим так легче. Своеобразный психологический костыль. Пришел на могилку, посидел, вспомнил. Выпил, наконец...

Восточная сторона городского кладбища, на которую вышел Юрий, пестрела свежими захоронениями. Их было легко узнать по грудам полуувядших цветов, венкам, а также отсутствию крестов и памятников, – родственники и друзья покойных не успели еще полностью оплатить ритуальные услуги.

Миновав по дороге несколько похоронных церемоний, Десятник пересек центральную аллею и вышел к старой, западной части кладбища. Тут его шаг как-то сам собой замедлился, и писатель внимательно огляделся по сторонам.

Он попал в тишину, покой и тень.

Тишина и покой возникали совершенно естественно из-за отсутствия здесь основных производителей шума и суеты – людей. Тень же создавали разросшиеся деревья – в основном многочисленные клены и тополя, посаженные, вероятно, не один десяток лет назад.

Уже через двадцать минут Юрий понял, что Жорина идея оказалась на редкость удачной. Какие только замечательные имена и фамилии, а также их сочетания не попадались ему здесь! Только записывай. Чем он немедленно и занялся, выудив из сумки блокнот и ручку.

Бодягин Пафнутий Ильич. Еще в девятнадцатом веке мужик родился. Надо же... Пафнутий. Так. Егонова. Наталья Павловна. Имя-отчество удачное, а вот фамилия какая-то непонятная. Егонова... Яга? Ладно, запишем на всякий случай. Может, пригодится. Ключников. Леднев Михаил Игнатьевич. Знал я, помнится, одного Леднева... Орлова Надежда, Лукьянова Марья Сергеевна, Сидоров. Ну, это общеизвестно. Ага. Вот интересно. Топич Ерофей Казимирович. Родился в 1914-м, умер в 75-м. Шестьдесят один год прожил дядька. Маловато. Имя по нынешним временам довольно экзотическое. И фамилия неординарная. Из западных славян, вероятно. Запишем. Черногорская. Зинаида Афанасьевна. 1912 года рождения. Хороша

фамилия! И женщина была красивая, если по фото судить. Надо же, снимок-то неплохо сохранился, хоть и времени прошло черт-те сколько. Беклемишев...

Писатель увлекся. В его воображении уже мелькали обрывки сцен и картин.

Вот роковая красавица Черногорская взволнованно ходит по залу (какому, на фиг, залу? Я что, любовно-исторический роман собираюсь писать? Ладно, пусть просто по гостиной)... по гостиной в ожидании важного известия. Заламывая руки (тьфу!). А тем временем лохотонный негодяй Топич... только не Ерофей, конечно, а... Нет, так не пойдет. Это меня куда-то в начало прошлого века заносить начинает. Ладно, дома разберемся. Сейчас еще пяток-другой запишем, и хватит, пожалуй, для первого раза.

Раздвигая кусты, и ныряя под низкие ветви деревьев, он пробирался к давно заброшенным могилам и заполнял уже четвертую страницу блокнота, когда сзади его окликнули:

– Мил человек!

Десятник вздрогнул, едва не выронил из пальцев ручку, и оглянулся.

Не более чем в двух метрах от него стоял, легко опираясь на потемневшую от времени палку с круто, подобно бараньему рогу, изогнутой ручкой, невысокий старик.

Был он одет в совершенно вылинявшие, но чистые джинсы, клетчатую синюю рубаху и потрепанный временем, но, опять же, чистый, темно-серый пиджак. Густые и совершенно белые прямые волосы спускались до плеч и странно гармонировали с пронзительно-синими глазами, строго и в то же время насмешливо глядящими из-под нависших бровей.

– Здравствуй, – неуверенно сказал Юрий. – Я не слышал, как вы подошли.

– А я и не подходил вовсе, – загадочно промолвила старик. – Но здравствуй и ты. Уж что-что, а здоровье тебе, гляжу, ой как понадобится.

Вот же, черт, с неудовольствием подумал Десятник, принесла нелегкая. И чего ему надо? Терпеть не могу этих стариков и старух, вечно лезущих не в свое дело. Все бы им следить да поучать. Все им не так и неправильно. Все-то им мешают, и всем-то они недовольны. Давно уж о своей душе задуматься надо, так нет – хлебом не корми, дай чужую повоспитывать.

– В каком это смысле? – нахмурился писатель, захлопывая блокнот и, не глядя, засовывая его в сумку.

– Да в прямом, – усмехнулся в седые усы старик, не сводя с Юрия глаз. – Здоровье каждому человеку не помешает. А уж тебе – и подавно.

– Это еще почему?

Он, наконец, спрятал блокнот и ручку и решительно повернулся к собеседнику всем корпусом. Надо заметить, что габаритов писатель Юрий Десятник был весьма внушительных – при росте метр восемьдесят пять и живом весе под сотню килограммов.

Дедуля, однако, ничуть не смутился и продолжал насмешливо, но уже не строго, а, скорее, с оттенком сожаления, глядеть на Юрия.

– Да потому, что дело ты задумал для здоровья опасное, – объяснил старик. – Как бы пожалеть не пришлось. Мертвые не любят, когда их дразнят попусту.

– Ерунда какая-то, – сказал Десятник. – Дразнят... Что вам надо, дедушка? Шли бы своей дорогой. А я уж со своими делами как-нибудь сам разберусь.

– Ну, сам так сам. Мое дело предупредить, а там... Захочешь, – придешь. О, ты посмотри! Никак лиса!

Юрий обернулся.

Никакой лисы, конечно, сзади не было. А когда он повернулся обратно, то не обнаружил и старика. Станный дед исчез беззвучно и бесследно, как ниндзя, что, учитывая его возраст, было весьма удивительно.

Только настрой весь мне сбил... дедуля, подумал Юрий с досадой. Ладно, довольно на сегодня, пожалуй. И так набрал достаточно. А не хватит, можно будет еще прийти.

Работа писателя может показаться стороннему и малосведущему в писательском деле наблюдателю и не работой вовсе.

Сидит человек за компьютером, пишущей машинкой или просто держит на коленях тетрадь и что-то время от времени записывает. Потом встает, ходит по комнате, курит (если, конечно, он подвержен этой дурной привычке), пьет кофе, бессмысленно таращится в окно, ерошит волосы, чешется в разных местах, копается в каких-то книгах или интернете, выходит на прогулку, возвращается, снова садится к листу бумаги или экрану монитора... В общем, совершает массу обыденных, привычных движений.

А в результате этих, иногда малоэстетичных, действий на свет рождается несколько страниц художественного текста.

Текста, который потом заставит читателя плакать, смеяться, размышлять о жизни, или, в конце концов, просто на минутку отвлечет от тех неисчислимых и большей частью нерадостных проблем, которые давят на него в повседневности.

У всякого писателя свои методы работы.

Юрий Десятник предпочитал метод интуитивный. Он садился за компьютер без тщательно проработанного плана, имея в голове лишь приблизительную схему будущего произведения, а в душе – горячее желание родить на свет текст, который было бы не стыдно прочесть самому.

Теперь, когда, благодаря замечательной идее друга Жоры, творческий кризис был успешно преодолен, работа у Юрия пошла. Жена находилась в длительной заграничной командировке; сын после окончания второго курса института укатил с товарищами в конный поход по Алтаю; и писатель, которому никто не мешал, вошел в привычный режим и ежедневно выдавал нагора по четыре-пять страниц нового романа, отвлекаясь только на прогулки к ближайшему продуктовому магазину, приготовление нехитрой пищи и необходимую уборку своего дачного жилья.

Сведения, добытые им на кладбище, оченьгодились. Он не просто знал теперь, как ему назвать того или иного героя, а чувствовал, что с этими как бы «настоящими» фамилиями, именами и отчествами его литературные, выдуманные от начала и до конца персонажи, обретают плоть, становятся яркими и живыми.

В пятницу, после обеда, когда Десятник только-только помыл посуду и собрался немного подремать на веранде перед работой (в комнатах днем было душновато), в дом от калитки настойчиво позвонили. Недоумевая, кто бы это мог быть, Юрий пошел открывать.

За калиткой обнаружился молодой щеголеватый лейтенант милиции в летней – с короткими рукавами – рубашке навыпуск, тщательно отглаженных брюках и новенькой, лихо сдвинутой на затылок, фуражке.

Зеленоватые глаза лейтенанта смотрели доброжелательно и даже весело. Но в руках он держал папку для бумаг из коричневого кожзаменителя, а под рубашкой, справа на ремне, угадывалась пистолетная кобура, недвусмысленно подчеркивая всю серьезность визита представителя власти.

– Вы ко мне? – удивился писатель.

– В том числе и к вам, – подтвердил милиционер.

– Прошу, – Десятник провел лейтенанта на веранду и предложил стул.

– Дело в следующем, – начал милиционер. – Тут у вас позавчера ночью один чудик стрельбу из охотничьего ружья учинил. Слава Богу, никого не ранил... Надо разобраться. Вы позавчера здесь были?

– Да. И вчера, и позавчера, и неделю назад.

– Слышали что-нибудь?

– Нет, – покачал головой Юрий. – Никакой стрельбы не слышал. Я очень крепко сплю. А где стреляли-то? И кто?

– Не очень далеко от вас – на соседней улице. Хозяин одной из дач. Вы ведь писатель?

– Да, – признался Десятник. – А что?

– Я подумал, что вам, как писателю, это может быть интересно. Представляете, мужик заявил, что к нему в дом лез зомби.

– Кто?!

– Зомби, – охотно пояснил лейтенант. – Ну, оживший мертвец, значит. Тут кладбище рядом, вот мужик и... Но самое смешное, что он оказался трезвым! – Кто, зомби?!

– Чувство юмора я уважаю, – чуть улыбнувшись, сообщил представитель закона. – Особенно у писателей. Мужик был трезвый. Ладно, если вы ничего по этому поводу сообщить не можете, я пойду. Служба.

– Рад бы, но... – Юрий развел руками.

Милиционер пожелал творческих успехов, попрощался и ушел.

– Черт-те что, – пробормотал, закрывая калитку, Юрий. Спать ему совершенно расхотелось.

Юрий Десятник считал себя профессионалом. Человеком, способным качественно выполнять свою работу в любых условиях. Так оно обычно и было, но сегодняшний визит милицейского лейтенанта выбил сочинителя из привычной колеи. Промучившись за клавиатурой час, он понял, что работа окончательно застопорилась и решил съездить в город, чтобы сменить обстановку и развеяться.

Предполагая, что в городе наверняка придется с кем-нибудь выпить, за руль он садиться не стал, а отправился к ближайшей остановке автобуса, до которой было десять минут ходу.

Под навесом остановки, пустынной ввиду буднего дня, на скамейке сидели две женщины неопределенного возраста и о чем-то беседовали. На скамейке оставалось свободное место, но Десятник, чтобы не мешать, деликатно остановился в сторонке и закурил, став невольным свидетелем разговора, поскольку голоса у женщин оказались на редкость пронзительными.

– ...мертвец, – сказала одна. – Самый настоящий. Представляешь?

– Не может быть, – ахнула вторая.

– Как же не может, если дочка Инны Петровны заикаться стала? До вчерашнего дня нормально говорила, а тут – на тебе. Заикается. С испугу-то.

– А нечего по ночам шляться на кладбище, с неожиданной мстительностью сказала вторая.

– Ой, Рита, ну что ты, в самом деле. Будто сама молодой не была! Где ж девчонке с парнем миловаться-то еще? Дома родители, а там, в старой части, самое то деревья, травка... Лето же сейчас, тепло... – в голосе первой прорезались мечтательные нотки.

– Не пойму я тебя, Света. Рассуждаешь, как... не знаю кто. Молодежь совсем стыд потеряла. Девки с голым пузом ходят по улицам, и хоть бы хны. Позорище сплошное.

– Мода такая.

– Мода... Не мода у них такая, а норв бесстыжий. Ни бога, ни людей не боятся. Вот мертвецов разве что...

– А то мы кого-то боялись по молодости!

– Не знаю, как ты, а я такой не была.

– Это какой же такой? – тихо, но с нажимом осведомилась первая, и Десятник понял, что сейчас начнется обычная бабья ссора.

Он уже хотел отойти подальше, но тут подъехал автобус и прервал чуть было не разгоревшуюся ссору.

Город встретил писателя уже изрядно подзабытым шумом, яркими красками и бензиновой духотой. Прослывавшись минут сорок по центральным улицам и не встретив ни единого знакомого, Юра Десятник купил шесть бутылок холодного пива и зашел в редакцию городской газеты, где его все знали и любили, поскольку в городе было всего четыре настоящих писателя,

но Десятник пользовался наибольшей популярностью в народе, и газета время от времени с удовольствием публиковала его материалы.

В отделе информации он обнаружил редактора Евгения Маховецкого и фотокорреспондента Николая Хомякова. Оба по случаю жары и планового пропуска номера откровенно скушали, и поэтому явление Десятника и пива было встречено с энтузиазмом.

– Ну, акулы пера, что нового? – задал провокационный вопрос Юрий, когда первая жажда была утолена.

– Смеешься? – лениво осведомился фотокор Хомяков, откидываясь на спинку стула. – Лето. Жара. Пыль. Вот и все новости.

– Ну почему же, – возразил коллеге Маховецкий. Есть одна интересная новостиска. Только не знаем еще, как ее правильно подать.

– А что так? – удивился Десятник, зная профессиональную всеядность братьев-журналистов.

– А, – махнул рукой Хомяков. – Фигня полная. Как всегда летом. Крыша у людей от жары и безделья едет, вот и плетут неведь что. Живые мертвецы им мерещатся, понимаешь.

– Как, как? – заинтересовался Юрий. – Ну-ка, расскажи.

– Облом, – сказал фотокор. – Брешут люди.

– Пива больше не дам, – пригрозил писатель. У меня в сумке еще три бутылки, между прочим.

– Это шантаж, – заявил Хомяков. – Ладно, слушай.

И он рассказал то, о чем Юрий сегодня уже слышал, но не в таких подробностях.

Якобы, позавчера ночью к некоему гражданину, проживающему в том же дачном поселке, что и Юрий, привиделось, что в его дом лезет живой мертвец. Гражданин устроил стрельбу из охотничьего ружья и насмерть перепугал соседей, которые, не долго думая, вызвали милицию.

– Ну, повязали мужика, конечно, – живо рассказывал, вошедший во вкус фотокорреспондент. – Так он трезвый оказался, представляешь? Но самое интересное, что на кустах нашли обрывки какой-то совсем ветхой одежды. Мне знакомый мент из УВД рассказывал. Но там ведь у вас бомжи шляются. Особенно летом. Так что, все объяснимо. Иного бомжа от живого мертвеца и не отличишь. И еще не известно, кто лучше выглядит. Ну вот. А вчера ночью вторая история приключилась. Девчонка с парнем решили на кладбище приятно время провести. Ну и, вроде как, в самый интересный момент на них из кустов тоже мертвец вышел. Парень, извини за неаппетитные подробности, об...рался, а девчонка заикаться стала. Такие, вот, дела. – Хомяков замолчал и выразительно покосился на сумку с пивом.

Домой на дачу писатель вернулся поздно на такси и в состоянии изрядного подпития. В редакции пивом они, разумеется, не ограничились, перебравшись с окончанием рабочего дня в ближайшее открытое кафе в парке, который находился прямо через дорогу. В кафе им попались еще несколько старых знакомых, и веселье по случаю встречи и пятничного вечера продолжилось до самого закрытия.

Позже Юрий и сам не мог понять, отчего его потянуло вернуться на дачу, хотя он вполне мог бы остаться ночевать в городе. Но то, что он поддался интуиции и вернулся, не только предопределило все последующие, происшедшие с ним события, но и ощутимо изменило мировоззрение сочинителя.

В половине первого ночи, расплатившись с таксистом, Десятник вышел из машины и нетвердой походкой направился к своей калитке. За его спиной развернулось и уехало в сторону города такси. Свет фар на секунду выхватил из темноты калитку и часть забора, метнулся по кустам и пропал. Писателя окружила ночь.

Впрочем, свет ему был и не нужен, поскольку он знал здесь наизусть буквально каждую пядь земли. Доставая на ходу из сумки ключи, Десятник приблизился к калитке, оперся на нее правой рукой... и чуть не упал, когда металлическая дверца легко распахнулась внутрь.

Ничего себе. Я что, калитку не закрыл? Да нет, вроде, закрывал. Хотя с моей рассеянностью... Или... Блин, неужто воры? Брать у меня, конечно, особо нечего, но вот компьютер... И даже не сам компьютер, а та информация, которая в нем...

Он закрыл за собой калитку и всмотрелся в темноту. Ему показалось, что окно в его кабинете слабо мерцает каким-то отраженным и очень знакомым светом, как будто кто-то сидит за включенным компьютером...

Сын, что ли вернулся? Или жена? Странно. Без предупреждения... На них не похоже.

Стараясь держаться по возможности ровно, Десятник прошел по садовой дорожке и поднялся на веранду.

И тут же почуял запах.

Так пахнет разрытая земля и старые, пролежавшие невесть сколько лет в отсыревшем подвале или сарае, вещи.

Чувствуя, как стремительно выветривается из головы хмель и, одновременно с этим ощущая настоящее желание немедленно покинуть дачу с наивозможной скоростью, Десятник, сглотнул набежавшую горькую слюну и взялся за дверную ручку.

В конце концов, это его дом, и непрошеным гостям, кем бы они ни были, с этим придется считаться.

Дверь отворилась, и писатель вступил в прихожую.

Внутри дома запах чувствовался еще сильнее и, кроме этого, привычный слух тут же уловил негромкие и очень характерные звуки, – кто-то в кабинете довольно сноровисто печатал на компьютерной клавиатуре.

Юрий Десятник, хоть и занимался сугубо мирной и малоконфликтной профессией, в молодости неоднократно попадал в весьма опасные ситуации и всегда выходил из них с честью, потому как по природе своей был человеком не робкого десятка и умел побороть страх. Вот и теперь, стараясь не обращать внимание на слабость в ногах и бешено колотящееся сердце, он в три шага пересек прихожую, рванул на себя дверь в кабинет... и прирос к порогу.

Запах плесени и сырой земли. Светящийся экран монитора. Зажженная свеча на столе.

И трое в комнате.

Двое у стола на диване и один за компьютером.

В полутьме, как следует не разглядеть, но сразу видно, что с ними что-то не так. С ними что-то совсем не так...

Лохмотья полуистлевшей одежды едва прикрывают, до костей съеденные могильным гниением, тела. Лысые, плотно обтянутые высохшей кожей черепа, с которых свисают длинные и редкие остатки волос, скалятся безгубыми ртами и молча таращатся на вошедшего пустыми и черными провалами глазниц.

Мертвецы.

Двое у стола сидят в полной неподвижности, а третий, за компьютером, не оборачиваясь, проворно стучит по клавишам, и Десятник отсюда, с порога кабинета, видит, что мертвец работает в программе Word, и на экране строчка за строчкой появляется какой-то текст.

– Что... кто вы... – преодолевая, ужас, он попытался войти в кабинет и не смог.

Что-то не пускало его внутрь. С удивлением Юрий отошел на шаг и снова попробовал войти. И снова был остановлен. Словно прозрачная невидимая стена выросла в дверном проеме. И эта стена явно не собиралась немедленно исчезать и пропускать хозяина дома в его законные владения.

А еще был страх.

Не тот, что возник в глубинах души Юрия Десятника еще на веранде и при виде мертвецов попытался вырваться и захватить контроль над чувствами и разумом, – с тем страхом писатель справился довольно быстро. Нет. Этот новый страх исходил непосредственно из кабинета. Он накатывался волнами, проникал сквозь глаза, ноздри и уши, казалось, в сердцевину каждой нервной клеточки тела и начинал терзать ее изнутри беззвучным и в то же время пронзительно-оглушающим криком: «Уходи! Беги, идиот!! Спасайся немедленно!!! Здесь – смерть!!!!».

И с этим, внешним страхом, было куда труднее бороться.

С полминуты Десятник еще умудрялся оказывать сопротивление (опьянение покинуло его окончательно в первые же секунды), но напор усиливался, и в какой-то момент Юрий понял, что еще чуть-чуть – и он просто-напросто сойдет с ума. Вернее, понял даже и не он сам, а какая-то часть его глубинной сущности, отвечающая за самосохранение. И эта часть отшвырнула его от двери, заставила выскочить на улицу и, не разбирая дороги, кинуться со всех ног в черноту ночи, подальше от собственного дома.

Чем хорошо паническое бегство, что оно все-таки приводит человека в чувство. Рано или поздно. Задышавшись и хрипя, Юрий Десятник остановился и бросил за спину затравленный взгляд. Полная луна, как бы специально оказывая писателю услугу, вышла из-за облаков и осветила окрестности призрачным светом. Его никто не преследовал. Тогда сочинитель посмотрел вперед – туда, куда он в полном беспамятстве только что несея, и вздрогнул. В полусотне метров, прямо по курсу, начиналось кладбище.

Идиот, нашел, куда бежать! А впрочем...

Чувствуя, как понемногу успокаивается сердце и приходит в норму дыхание, он нащупал в кармане сигареты и закурил.

Так. Надо подумать. Бежал-то я чисто интуитивно? Несомненно. Интуитивней и не бывает. А своей интуиции я доверяю. Она у меня хорошая, отточенная годами писательского ремесла. Выхоленная и взлелеянная. Главное, вовремя ее услышать. Вовремя услышать и правильно понять, что она тебе подсказывает. Итак, начнем с главного. Верю ли я своим глазам? Верю. Иначе можно сразу идти сдаваться в дурдом. Да и как не верить, если о живых мертвецах я сегодня только разговоры и слышал. И вот – на тебе, они у меня дома. Непосредственно. Может, подсознание художническое шутки шутит? Типа наслушался, водки выпил получи, что заказывал. Хм, тогда все-таки нужно будет признать, что мне действительно пора сдаваться врачам-психиатрам. А этот вариант я решительно отбрасываю. Тогда что? С чего все началось?

Профессиональная память сочинителя быстро открутила назад ленту воспоминаний, и перед Юрием, словно наяву, предстал сначала тот день, когда не слишком трезвый друг Жора Игнатенко подбросил ему идею похода на кладбище за именами и фамилиями для литературных героев. И тут же – день следующий, когда он, писатель Юрий Десятник, на кладбище и отправился с целью эту самую идею осуществить. И осуществил.

Нет, быть этого не может. Да, я использовал несколько, показавшихся мне очень удачными, имен и фамилий. И что? Бред. Так не бывает. Сила написанного слова... Я отнюдь не гений и прекрасно знаю себе цену. Да если бы даже был и гением... Бред, бред и еще раз бред. Но тогда – откуда? И почему именно у меня в доме? Да еще и за компьютером?! Хм. Есть только один способ проверить. Сходить и посмотреть. Прямо сейчас. Хуже уже все равно не будет. Или подождать до завтра? Нет, завтра, чует мое сердце, может быть уже поздно. Там ведь был еще этот непонятный старик! погоди, как он тогда сказал... Захочешь – придешь. Явный, намек. Я, разумеется, не внял. Зато теперь... Ну что, идти или не идти? Надо идти. Если сейчас не посмотрю, до утра с ума сойду, пожалуй. Эх, жаль, фонарика нет. Ну да ничего, авось, луна подсобит. Вон, кажется, и небо от облаков очищается. Весьма кстати.

Ночное кладбище – не лучшее место для прогулок. Но Десятник гулять и не собирался. Целенаправленно и быстро, стараясь не глазеть по сторонам и выбирая только широкие асфаль-

тированные дорожки, он пересек сначала новую, не слишком устроенную часть погоста, затем обихоженный центр и подошел к старой, запущенной части кладбища. Спасительница луна светила ярко, а дорожку, которой он воспользовался тем злополучным днем, Юрий помнил хорошо. И он даже не очень удивился, когда буквально через десять минут не слишком тщательных поисков, он вышел к знакомой могиле и обнаружил на ней при лунном свете свежеразрытую землю...

Прямо сейчас, иначе испугаюсь....

Он перешагнул через невысокую ограду, присел у могильной плиты и щелкнул зажигалкой. «Топич Ерофей Казимирович» – успел прочитать он.

– Пришел? – мрачно осведомились сзади.

Внутренне Десятник был готов к чему-то подобному, но все равно вздрогнул и резко – гораздо резче, чем можно было бы – обернулся.

В двух метрах от него, опираясь на палку, стоял дед. Тот самый.

– Пришел, – согласился Юрий, и сам удивился своему неожиданно спокойному голосу. – Здравствуйте.

– И ты здравствуй. Ну, что скажешь?

– Не знаю. У меня дома... там...

– Я знаю, – прервал старик. – Что они делают?

– Двое просто сидят. А третий... Он что-то печатает на моем компьютере. Какой-то текст.

– Вот как! И быстро печатает?

– Быстро. Профессионально, я бы сказал.

– Совсем обнаглели... Ладно, придется вмешаться. А то это далеко может зайти.

– А... – Десятник облизнул пересохшие губы. – Что они делают?

– То же, что и ты. Пишут. Роман твой продолжают. С нужными им именами и фамилиями. Я же тебя предупреждал, а ты не послушался. Одно дело, когда случайное совпадение, и совсем иное, когда вот так напрямую. Взял с могилы и вставил. Никогда не слышал, разве, что в имени человеческого великая сила заключена?

– Слышал, но...

– Вот тебе и «но». Наперед будет тебе урок. Подойди сюда.

– А вы... вы кто, дедушка? – решился спросить писатель, медля с выполнением просьбы-приказа загадочного старика.

– Я – Страж, – строго ответил дед. – Как раз для таких вот случаев и поставлен. Ну и для других... всяких разных. Кладбище – место особое. Без Стража никак нельзя. А больше тебе ничего знать и не нужно. Ну, иди сюда. Время уходит.

Юрий перешагнул ограду и подошел.

– Наклонись, – приказал дед.

Десятник наклонился.

Старик коснулся его лба сухими прохладными пальцами, и тут же сочинитель почувствовал, что на него наваливается тяжелый неодолимый сон.

Городское кладбище – не лучшее место для того, чтобы там проснуться.

Матеря шепотом вчерашнее пиво, водку, дружков-журналистов и себя самого, писатель Юрий Десятник выбрался из кустов и торопливо направился к дому. Часы на руке показывали половину шестого утра. Чистое небо и полное сил, недавно поднявшееся солнце, обещали прекрасный день.

Это ж надо было так надраться, идиоту, думал Юрий, ускоряя шаг. Ни черта не помню. Давненько со мной ничего подобного не случилось. Да что там – давненько... Никогда не случилось! И за каким, спрашивается, чертом меня понесло на кладбище?! Нет, пора завязывать. Эдак недолго и в какую-нибудь серьезную историю влипнуть. Надежда российской словесности, мля... Кажется, в холодильнике было пиво. Или нет? Ладно, возьму по дороге в круглосу-

точном. Пивка и – спать. В кровати, а не на кладбище. Отключить, на хрен, телефоны... Нет, ну почему я поперся на кладбище, а не к бабе, например, какой-нибудь?! Это симптом. Как есть симптом...

Размышляя таким образом и чуть ли не шипя от злости и стыда на самого себя, Юрий выполнил все, что наметил. Купил пива, пришел домой, выпил две бутылки, разделся и лег спать. Он проспал до двенадцати часов дня и проснулся свежим и отдохнувшим.

А через час обнаружил, что недавно и успешно начатый им новый роман исчез из памяти компьютера. Флешка, на которую он для страховки всегда сбрасывал текст, также оказалась пустой, а распечатка написанных глав бесследно пропала.

Милицейское расследование ни к чему не привело сыщикам не удалось обнаружить даже малейшего следа злоумышленников. Восстановить текст в памяти компьютера и на флешке тоже не вышло – профессионалы-компьютерщики, поколдовав некоторое время над машиной, лишь вздохнули и развели руками.

Пришлось напрягать собственную память.

Через две недели написанная часть была восстановлена. Оказалось, что Юрий довольно хорошо помнит сюжетные ходы и особенности персонажей...

К началу зимы новый роман был закончен. Он увидел свет весной и разошелся небывалым для Юрия Десятника тиражом. Вот только критики, рассуждая о несомненных достоинствах нового произведения, дружно отмечали крайне неудачный подбор имен и фамилий для героев.

Пастух

Если бы Пояса астероидов не было, его следовало бы создать.

Эта, не блещущая оригинальностью сентенция, часто посещает мою голову по утрам, когда я собираюсь на работу.

А может быть, и не сентенция. Может быть, просто мысль. Но забавно, верно? Проснулся человек утром, посетил туалет, сделал зарядку, приступил к водным процедурам и тут в его голову привычно стучится мысль (или сентенция) о полезности и даже необходимости для человечества Пояса астероидов. Не только стучится, но и заходит. И даже некоторое время в голове живет.

Вот вы часто по утрам думаете о Поясе астероидов?

То-то.

Впрочем, никаких секретов. Дело в том, что Пояс астероидов – это и есть место, где я работаю, так что думать о нем мне, как говорится, сам бог велел. А к тому времени, когда я по утрам приступаю к водным процедурам, моя голова после ночного сна уже вполне способна принять любую мысль. В том числе и о необходимости Пояса астероидов для всего человечества.

Ну и, разумеется, здесь стоит учесть тот факт, что работу свою я люблю. Она у меня интересная, а сама профессия с одной стороны вроде бы одна из самых древних, а с другой – новейшая и редчайшая...

В общем, чтобы уже никому не морочить долго голову, объясняю: я – пастух.

Как вы уже, наверное, догадались, пастух не обычный, а космический (иначе с чего бы я стал распространяться насчет Пояса астероидов?). Пасу, конечно, Solar seals – Солнечных тюленей – или, проще говоря, соларов. Ибо больше в открытом космосе пасти некого – кроме Солнечных тюленей, животных там пока не обнаружено.

Тем, кто забыл, я напомним, что Солнечные тюлени или, как их чаще всего называют, солары – это особая форма жизни, обитающая в нашей Солнечной системе преимущественно в районе Пояса астероидов. То есть, настолько преимущественно, что в других районах солары и вовсе не встречаются. Разумеется, если верить фактам, а не слухам. Но слухи слухам рознь. Впрочем, как и факты – фактам. Особенно у нас в Солнечной, где хватает любителей и приврать для красного словца, и выдать желаемое за действительное, а то и вовсе наплести незадачливому инвестору кучу небылиц с откровенно меркантильными, а то и вовсе мошенническими целями. Но мы отвлеклись.

Так вот, солары.

Лично я, кроме Пояса астероидов, нигде больше этих животных не встречал, хотя в свое время побывал и на Меркурии, и на лунах Сатурна и много где еще. Люди, которым я доверяю, утверждают, что Солнечные тюлени иногда попадают на мелких спутниках Юпитера вроде Леды или Фемисто, но, повторяю, сам я не видел, а официальная наука на сей счет не имеет твердого мнения.

Впрочем, официальная наука не имеет твердого мнения даже насчет того, как форма жизни, подобная соларам, вообще могла образоваться, и жизнь ли это вообще.

Да, да, именно так, вы не ослышались. Двадцать первый век заканчивается, а среди нас, оказывается, есть еще такие, с позволения сказать, ученые, которые не мыслят себе другой жизни, кроме белковой. Мол, солары ваши – это квазизжизнь. Или псевдо – уж как вам лингвистически будет удобнее.

Я вот, например, чуть ли не с детства помню, что жизнь – это активное, идущее с затратой энергии, поддержание и воспроизведение специфической структуры. А уж белковая она, эта структура, или еще какая совершенно не важно. И удобнее всего – плюнуть на рассужде-

ния этих квази, а также псевдоученых и спокойно заниматься своим делом. Потому что стоит только один раз увидеть Солнечных тюленей, как сразу становится понятно, что это не просто жизнь, а жизнь очень и очень симпатичная. Не говоря уже о том, что крайне полезная для нас, людей.

Говорят иногда, что никакое видео не в силах передать того очарования, которое буквально излучает стадо Солнечных тюленей, если смотреть на него непосредственно через прозрачный щиток скафандра. Чепуха. В силах. Если это хорошее качественное видео, снятое хорошим же оператором. Мне такое попадалось. А уж я насмотрелся на соларов разными способами. И продолжаю ими любоваться почти ежедневно на протяжении вот уже почти десяти лет.

Если вычленить самую суть, то работа пастуха Солнечных тюленей заключается в том же, что и работа любого другого пастуха за всю историю человечества: выгонять животных на пастбище, следить чтобы они исправно паслись и не разбредались, оберегать их от всяческих невзгод и опасностей, пригонять стадо обратно на место ночевки и дойки. А то, что пастбище – это открытый космос, и место ночевки и база находятся на астероиде, где притяжение в сто раз меньше земного, – уже не особо важно.

Хотя, разумеется, космический пастух, в отличие от земного коллеги, должен еще уметь мастерски управлять спейсфлаером класса «скутер» и сворой роботов, играющих ту же роль, что и пастушьи овчарки. Не считая кучи других навыков, без которых не бывает нормального профессионального космонавта. Потому как, если ты работаешь в космосе, то уже являешься космонавтом по определению. И даже в первую очередь космонавтом. А уж затем пилотом, штурманом, инженером, рабочим-монтажником, пастухом или кем-то еще.

Вообще-то, о своей работе я могу рассказывать часами. Во-первых, потому что ее люблю, а во-вторых, космические пастухи болтливы по своей, что называется, природе.

Издержки профессии, так сказать.

Не все, конечно. Но, что касается меня, то – в полной мере. Дай волю, и я могу проговорить несколько часов подряд, не останавливаясь.

Некоторые, особенно те, кто абсолютно ничего не понимает в нашей профессии (недобросовестные журналисты, в первую очередь) утверждают, что это все от одиночества. Мол, космический пастух редко видит людей, а потому готов трепаться до упаду с первым встречным-поперечным.

Смею заверить, что это полная ерунда.

Начать с того, что мы вовсе не одиноки. На одной моей базе нас девятнадцать человек вместе с доями и всем инженерно-техническим персоналом, а уж когда прибывает грузовик с Земли, то и вовсе становится тесно. Плюс ко всему я не очень понимаю, как можно чувствовать себя одиноким при современных средствах связи и виртуальных развлечениях. Да, конечно, электромагнитные волны бегут от нас до Земли больше 23 минут. И столько же обратно. То есть в режиме радиотелефонного разговора или лазер-чата поболтать с друзьями-товарищами-любимыми не удастся. Ну и что? Мы прекрасно общаемся и в режиме соцсетей, например. Никаких проблем. А уж о развлечениях я и не говорю. Флешку – в комп, шлем – на голову, и расслабляйся – не хочу. На любой вкус и полную катушку. Хотя на самом деле на развлечения-расслабления времени особо не остается. И не только потому, что наша работа отнимает много времени и сил. Она еще и сама по себе такое развлечение, что куда там самым последним и навороченным компсимуляторам и прочим виртуальным радостям. Для тех, кто понимает, конечно.

Например, вы пробовали когда-нибудь загнать обратно в гурт трех-четырех соларов, которым отчего-то одновременно вздумалось полюбопытствовать, что делается в паре-тройке тысяч километров от сферы пастбища? И хорошо еще, если в паре-тройке, а то ведь бывает, что и на десять тысяч скачут, и больше. Ищи потом их свищи, если растерялся и сразу не сре-

агировал! Пояс большой, а солар пряткий. При большом желании развивает такую скорость, что никакой «скутер» не догонит – только на роботов-«овчарок» и надежда. Да и то не всегда. Тем более что способ передвижения соларов до сих пор окончательно не разгадан. Точнее, не способ, а механизм. Потому как уже всем давно ясно, что Солнечные тюлени передвигаются в космическом пространстве, используя нечто вроде непрерывной нуль-транспортровки на сверхкороткие расстояния.

То есть, солар, чья длина, как известно, редко превышает пятьдесят метров, исчезает в одной точке пространства и тут же появляется в другой, отстоящей от первой не более чем на пять миллиметров. И в секунду он таких перемещений может сделать и тысячу, и миллион. Только непонятно КАК. По идее должен у соларов быть какой-то специальный внутренний орган, обеспечивающий подобный фантастический способ перемещения в пространстве. Но никто пока этого органа не обнаружил, а, значит, и не разгадал главную загадку соларов.

Хотя откуда мне известно, что именно эта загадка Солнечных тюленей – главная? Есть и другие. Например, откуда они вообще взялись и почему так легко дали себя приручить?

Это рабочее утро ничем не отличалось от сотен и сотен других – те же привычные мысли и заботы, то же сдержанно-бодрое настроение. Мой гурт насчитывает ровно двадцать девять животных, и при моем появлении над лежбищем в сопровождении пяти «овчарок» все двадцать девять медленно отлипают от поверхности астероида и словно всплывают над ней. Величественное зрелище и никогда мне не надоедает, хотя я и не знаю даже с чем его сравнить.

Затем проходит секунда, другая, и стадо, набирая скорость, устремляется прочь от места ночлега, прямо, что называется, в открытый космос.

Ну, а я вместе со своими «овчарками» – за ними.

Радиовывоз с базы пришел в десять часов двадцать восемь минут по бортовому времени:

– Ферма-два – Пустыннику, Ферма-два – Пустыннику. Как слышите меня? Прием.

– Здесь Пустынник. Слышу вас хорошо. Что там у вас, ребята, неужто внеплановый космолет с голыми бабами на борту? Прием.

– С каких это пор ты интересуешься голыми бабами? Я думал, тебе и твоих соларов хватает по самое не могу. Прием.

– С соларами я, конечно, трахаюсь, это ты верно заметил, да только удовольствия от этого процесса маловато. Голые же бабы...

В подобном духе мы с нашим штатным радистом засоряли эфир еще минут пять, пока, наконец, мой собеседник не соизволил перейти к делу.

Оказывается, пришло сообщение с нашей главной пастушеской обители на Церере о том, что в районе Пояса и, вроде бы, относительно неподалеку от нас около двадцати минут назад зафиксировано появление трех неопознанных объектов. Предположительно искусственного происхождения. В связи с чем непосредственно пастухам на пастбищах и всему остальному персоналу предписано удвоить (а лучше утроить!) внимание, проявить бдительность, смотреть в оба и вообще быть готовым.

– Делать им не хрен, – выразил я свое мнение по данному вопросу. – Какие еще, к богу, искусственные объекты?

– Три внеплановых космолета с голыми бабами, хрюкнул радист. – Почем я знаю? Но фишка в том, что диаметр самого малого объекта предположительно достигает четырнадцати километров.

– Сколько-сколько? – не поверил я своим ушам.

– Четырнадцать километров, – повторил радист. А самого большого – двадцать два.

– И где ж они теперь?

– А шут его знает. База говорит, что они, лишь только появившись, немедленно исчезли с экранов. Как растворились.

– Глюки Пояса, – хмыкнул я. – Тут еще и не такое мерещится иногда. Тебе ли не знать.

– Я-то знаю, – согласился радист. – Но админу с Цереры этого не объяснишь. Молодой он еще, да ранний. Выслужиться хочет.

– Ну и... с ним, – зевнул я.

– Ага, – согласился радист. – Но сообщить я был тебе обязан.

Я в изысканных выражениях поблагодарил его за похвальное отношение к своим профессиональным обязанностям и собрался уж было выслушать не менее цветастую ответную тираду, как тут в наушниках треснуло с такой силой, что на долю секунды я перестал не только что-либо слышать, но и видеть.

А когда слух и зрение вернулись, то оказалось, что в эфире царит мертвая тишина, а на обзорном экране прямо по курсу расположились... Я как-то сразу осознал, что это и есть те самые пресловутые искусственные объекты, о которых буквально только что сообщал наш радист.

Диаметром, если верить дальномеру, четырнадцать, восемнадцать и двадцать два километра.

А с чего бы мне ему не верить? Я и поверил. Тем более что и собственным глазам доверять привык. Хотя то, что перед ними предстало, больше всего было похоже на плод не в меру расшалившегося воображения.

Представьте себе белую розу. Крупную, с изящно вылепленными и хитроумно закрученными, будто испускающими собственный нежный свет, лепестками.

Представили?

А теперь уберите стебель и поместите розу в космосе прямо по носу вашего «скутера», увеличив ее диаметр в сто тысяч раз и расположив рядом две такие же только еще большего размера.

Может, я не очень удачно излагаю, и какой-нибудь поэт сумел бы сказать точнее и красивее, но мне кажется, что более менее правдивая картинка в вашей голове должна была возникнуть.

Ну, а у меня она возникла не в голове, а на обзорном экране. Во всей, так сказать, красе.

И вот, значит, висят эти три «розы» точнехонько у меня по курсу, а солары мои числом двадцать девять штук, не выказывая ни малейшего беспокойства, устремляются прямо к ним.

Как будто век мечтали о долгожданной и радостной встрече.

И это крайне удивительно, потому как Солнечные тюлени животные довольно осторожные, чуют опасность загодя и всемерно стараются ее избежать.

Значит, что, думаю я в рифму, нет угрозы от этих «роз»? Или просто солары их не видят? Да нет, вряд ли. Если я вижу, то и они должны. Хотя вот странность и загадка. Радар-то показывает, что никаких материальных объектов впереди по курсу нет! А я вижу, что есть. И лазерный дальномер сообщает, что до них всего-то сто пятьдесят километров и, если по-хорошему, то пора тормозить. Получается, ЭМИ радара проходят сквозь них, а лазер нет? Ерунда какая-то.

Но пора не только тормозить, а вообще принимать решение. Если солары не видят «розы» в своем электромагнитном диапазоне, то это еще не значит, что их нет. Отдаю команду «овчаркам» и одновременно сбрасываю скорость.

Пять роботов перестраиваются, заходят справа и пытаются изменить курс стада с помощью чувствительных лазерных уколов. Обычно это действует. Но не в этот раз. Только успели мои «овчарки» по разу «куснуть» вожака и, следующих за ним, четырех самых крупных соларов, как мне показалось, будто чьи-то невидимые могучие руки ухватили роботов прямо на лету, смяли их в бесформенные комки и... убрали из окружающего пространства с глаз долой. Куда? А черт его знает. Убрали – и все. Вот только что «овчарки» были, и вот уже их нет.

Я испугался. По-настоящему. Потому что сделать такое с космороботами, масса каждого из которых около восьмидесяти тонн, не способно ни одно известное мне оружие. Сжечь – да. Хорошая лазерная пушка, предназначенная для горнорудных работ на тех же астероидах,

могла бы. Но не более того. А здесь... Просто смяли, как бумажные, и выбросили к чертовой матери. Возможно, в прямом смысле слова.

Но страх страхом, а делать что-то надо. Если стадо неуправляемо, а точнее управляется теперь этими... объектами, то следует позаботиться о собственной безопасности. Ибо нет никакой гарантии, что мой «скутер» вместе со мной внутри не разделит судьбу «овчарок», попытайся я наперекор всему изменить курс соларов с помощью все того же лазерного «хлыста» на борту.

Итак, отключаю тягу и врубаю на полную тормозные двигатели. Сначала надо сбросить ход, потом развернуться и валить отсюда, пока, так сказать, при памяти и ветер без камней. Тем более что и в инструкции ясно сказано: «При возникновении угрозы безопасности стаду, пастух обязан принять все меры для устранения или избегания данной угрозы. При этом, не подвергая опасности собственную жизнь».

Что ж, устранить три эти угрозы я не могу никак, значит, надо избегнуть.

Но избегнуть не удалось.

Тормозные двигатели чуть не срывались с консолей от натуги, но сбросить ход не получалось. «Скутер» как летел точно в центр одной из «роз», так и продолжал двигаться в том же направлении. С той же скоростью. И мои любимые и родные солары летели туда же.

Судя по приборам, до неминуемого столкновения оставалось не более пятнадцати секунд. Я уже мысленно попросил у Бога прощения за все, в чем, по моему мнению, был перед ним виноват, как тут скорость сама по себе резко упала, центральная часть «розы» как бы раздвинулась, образуя некий вход-тоннель, и все стадо, а за ним и я благополучно переместилось из космоса внутрь неизвестно чего.

Полная тьма – вот, что окружило меня, как только скорость упала до нуля, а короткий вход-тоннель сзади захлопнулся. Или зарос (я так и не понял, с помощью какого механизма он открывался и закрывался). Естественно, что первым делом я протянул руку к пульту и попробовал включить прожектор. Безрезультатно. То же самое и со связью. Радио молчало на всех диапазонах. Не работала и лазер-связь, и лазерный дальномер, так что я даже приблизительно не мог определить размеров своей «тюрьмы».

«Замуровали, демоны», – вспомнил я реплику из древней, но очень смешной кинокомедии. Это помогло убить панику в самом зародыше, после чего, уже в твердом и ясном уме, я сунул руку под кресло и достал заначку.

Заначка представляла собой металлическую флягу объемом 400 миллилитров, внутри которой было, конечно же, спиртное. А именно – ром. Настоящий марсианский, крепостью ровно 75 градусов.

Скажите, 400 миллилитров марсианского рома – это много? Я так не считаю. Пусть лучше останется, чем не хватит. Тем более что держать на борту спиртное строжайше возбраняется. Вплоть до немедленного увольнения и запрета на профессию. Так что если уж пропадать, то за дело, а не какие-нибудь жалкие 200 грамм.

После третьего глотка освещенная приборами кабина родного «скутера» показалась мне донельзя уютной, а после пятого тревожная непроницаемая тьма на обзорном экране – просто летней безлунной и беззвездной ночью. Бывает. Что я, безлунных ночей не видел? Сейчас еще включим музыку, и будет совсем хорошо.

Но музыку включить я не успел.

Потому что черная, как самые черные чернила ночь, сначала посерела, а затем и вовсе превратилась в некий, сияющий жемчужным светом, туман. При этом туман, словно просочился сквозь обшивку «скутера» в кабину и заполнил ее всю сверху донизу. Да так, что я перестал видеть не только приборную доску, но и собственную руку с заветной флягой.

Странно, но страха не было. Вообще никакого. Даже мысль о том, что, наверное, следовало бы влезть в скафандр, показалась какой-то несущественной. В скафандре, без ска-

фандра... Какая разница? Если этот жемчужный туман проник в «скутер», то уж скафандр и подавно ему противостоять не сможет. А то, что не видно фляги, ерунда. Мы и на ощупь можем...

– Хватит, – произнес чей-то голос, как мне показалось, прямо в моей голове.

– Да пошел ты, – храбро ответил я, отчего-то ничуть не удивившись, и демонстративно приложился к горлышку. – Я сам решаю, когда мне хватит, а когда – нет.

– Как хочешь, – сказал голос. – Только не надо потом оправдываться тем, что был пьян.

– Потом – это после чего и когда? И вообще, кто ты такой?

– Потом – это после того, как мы уничтожим человечество, – равнодушно пояснил голос. – А кто я – неважно.

– Ясно, – говорю и прячу под сиденье флягу. Там осталось больше половины, и мне приходит в голову мысль, что марсианский ром сегодня мне еще может остро понадобится. – Значит, ты хочешь уничтожить человечество и при этом отказываешься себя называть? Извини, но таких, как ты, у нас называют «хрен-с-бугра». Это в мягком варианте...

Много позже я не раз думал о том, откуда во мне взялась тогда эта бесшабашная наглость и роскошное наплевательство. Ром? Вероятно. Но не только. Наверное, еще в тот момент, когда я узрел на обзорном экране три гигантские «розы», где-то в подсознании щелкнул определенный рычажок, и мое, глубоко скрытое истинное «я», принялось настраиваться на первую в истории человечества встречу с инопланетным разумом. В соответствии со своими понятиями о том, как надо себя во время данной встречи вести.

А в том, что это именно Контакт, я не сомневался ни секунды. Да и с чего бы? Зрительные и слуховые галлюцинации сначала до, а затем после ста пятидесяти грамм пусть крепкого, но хорошего рома? Не смешите меня. В космосе слабым на психику не место, а полный медосмотр я проходил последний раз всего две недели назад. И был признан абсолютно здоровым.

– Если ты пытаешься меня разозлить, то напрасно, – сообщает голос. – Лучше подумай о том, что ты можешь сказать в свое оправдание.

– Оправдание? – удивляюсь я. – Чтобы оправдываться, надо чувствовать вину. Хоть в чем-то. А я ее не чувствую. Даже в том, что назвал тебя хреном-с-бугра. Уж извини.

– Ладно, если тебе так уж необходимо меня как-то называть, то можешь звать... ну, скажем... Адмиралом. Что же касается твоей вины, то лично мне наплевать, чувствуешь ты ее или нет. Достаточно того, что она есть. И очень большая. Настолько большая, что я готов уничтожить Землю, чтобы ее смыть.

– С кого смыть? – ухмыльнулся я.

– С вас! – рявкнул голос. – И вместе с вами! Не будет вас, людей, не будет и вины. И Священное Служение будет восстановлено, а Долг исполнен.

Клянусь, он так и произнес это «Священное Служение» и «Долг». С заглавной буквы.

– Долг есть долг, – примирительно заметил я. Не говоря уже о служении. Тем более священном. Тут ты прав. Но все-таки, как быть с виной? Нет, Адмирал, честно, я не имею ни малейшего понятия, о чем ты толкуешь.

– Хорошо, – процедил Адмирал. – Я тебе покажу.

Немедленно в тумане передо мной образовалось нечто вроде большого обзорного экрана, разбитого на шесть ячеек. И в каждой ячейке я увидел своих любимых соларов. Все шесть наших стад. По одному на каждую ячейку. А вместе с ними и наши пастушья «скутеры» в окружении «овчарок»...

Собственно, ничего нового мне не показывали обычную нашу пастушью работу: следить, чтобы солары не разлетались в разные стороны и вовремя загонять их обратно на астероидные базы в ангары-кораллы. Где за них уже брались дояры. «Молоко» Солнечных тюленей – удивительное вещество. Именно на его основе делается знаменитый и баснословно дорогой иммунитет – «лекарство от всех болезней». Кстати, дояров за их работой мне тоже показали. Та еще

работенка, надо заметить. Требуется хорошо развитой интуиции, умения, опыта и бесстрашия. Солнечный тюлень – существо по-своему нежное и фамильярного обращения с собой при доедании не терпит: может так взбрыкнуть, что костей не соберешь.

– И что? – осведомился я, когда показ закончился, и жемчужный туман вновь затянул все вокруг. – Тебя чем-то не устывает моя работа?

– Не только меня, – сухо ответил неведомый Адмирал. – Всю мою расу. То, что ты называешь работой, для нас – мерзейшее святотатство. Расплатой за которое может быть только смерть всего людского рода. Мы очень долго искали тех, кого вы называете соларами. Все наши силы и ресурсы были брошены на этот поиск. И вот, наконец, мы их нашли. Но что же мы увидели? Низкая раса, едва-едва научившаяся передвигаться в пределах системы своей звезды, использует наших священных йохров в качестве обычных домашних животных! Нет, только смерть. Готовься, человечиска. Через пять часов по вашему времени Земля будет уничтожена. Аннигиляторы материи уже выходят на рабочий режим.

Мама дорогая, так вот в чем дело! Значит, солнечные тюлени – живые святыни этих... как их там... обиженных на всю голову инопланетян. А мы, соответственно... М-да. Религия – штука деликатная. Особенно религия чужая. И крайне опасная. В том смысле, что обращаться с ней надо очень осторожно, дабы не натворила она неопишущих бед. Вплоть до уничтожения одних разумных другими. Что мы уже неоднократно наблюдали в своей истории. И вот – снова.

С нашей точки зрения мы, конечно, абсолютно невиновны, потому как ни сном, ни духом. Но это наша точка зрения. Которая, как я понимаю, Адмирала и его боевой флот несколько не колышет. Особенно в отсутствии у Земли военных кораблей...

Стоп. А с чего я взял, что он не блефует? Все-таки целую планету на атомы разнести – это вам не на песочный замок ногой наступить. И вообще. Если они такие могучие и непримиримые, то почему этот Адмирал меня пленил и вообще стал со мной разговаривать? Сплющил бы и выбросил вон, как тех же «овчарок»... Получается, что не так уж он и уверен в своей правоте, как хочет показаться? Сидят, так сказать, где-то глубоко в его инопланетянском подсознании крохи сомнения, и они, крохи эти, вынуждают его сейчас вести со мной пусть надменную – но беседу. Для того, как водится, чтобы окончательно убедить свою совесть в том, что решение принято верное и другого пути нет и быть не может.

Та-ак. Это уже греет. Раз искорка сомнения есть, значит, ее можно превратить в пламя. Во всяком случае, можно попытаться. Думай, пастух, думай. И упаси тебя господь считать данную проблему не своей. Есть, мол, правительства и дипломаты, которые искусству переговоров специально обучены, вот пусть они и отдуваются. Не будет этого. Реальность такова, что здесь, в брже у этой «розочки», ты один. Если не брать во внимание соларов.

А почему, собственно, не брать?

Как раз из-за них весь сыр-бор и разгорелся. То есть, именно в них все и дело. И логика подсказывает, что где-то здесь и должен быть ключ к решению данной проблемы. Вот только на что этот ключ похож...

Эти и другие мысли проскочили в моей голове со скоростью свиста. Я чувствовал, что решение совсем рядом, но никак не мог его нащупать. Пришлось вместо него нащупать флягу под креслом и, не обращая внимания на незримое присутствие Адмирала, сделать изрядный глоток.

Ром проскочил в желудок, как родной, и в голове сразу прояснилось. Или мне это только показалось. Что, впрочем, не имело ни малейшего значения. Раз уж я чувствую прояснение, значит, этим нужно немедленно воспользоваться.

Итак, солары. Будем размышлять логически. Каким образом они оказались в Солнечной системе вообще и в Поясе астероидов в частности? Адмирал говорит, что их долго искали. Кого обычно ищут? Тех, кто потерялся.

Или... сбежал?

Вот оно!

Для закрепления достигнутого успеха я снова приложился к фляге и не без некоторого сожаления убрал ее на место. Прояснение прояснением, но надо и меру знать.

Если солары – живые святыни расы Адмирала, то потеряться они не могли, это смешно. А вот сбежать... При их способностях к мгновенному перемещению в пространстве... Хорошо, примем эту версию за рабочую. Хотя бы потому, что только она дает мне некоторые козыри против Адмирала. Раз солары сбежали от его расы – и неважно в данном случае как далеко их звездная система находится от Солнечной – к нам, значит, на то была причина. Какая? Это тоже не так уж важно. Была, и точка. Веская. Плохо им стало. Тоскливо и неудобно. Вот и сбежали. Что дальше? А дальше выходит, как ни крути, что Адмирал и вся его соларолюбивая раса должны чувствовать ба-альшую вину. Потому что от хорошей жизни не бегут. И теперь, мать их, эту свою вину они в лице Адмирала пытаются переложить на нас, людей.

Нет, ну что за козлы?!

Это же ни в какие ворота не лезет! Сами довели бедных животных до того, что те улепетнули чуть не на край Вселенной (а что? Всем известно, что Солнце расположено на краю Млечного Пути), и теперь пытаются свалить с больной головы на здоровую?! Знакомый приемчик, черт побери!

Первым моим порывом было немедленно высказать Адмиралу в самых ярких и образных выражениях, что я о нем и всей его расе думаю по данному поводу. Но, как известно, первый эмоциональный порыв слишком часто бывает самым неверным, и я сдержался. Гнев и возмущение – плохие советчики. Особенно, когда на карту поставлено существование Земли и всего человечества.

Медленно досчитать про себя до десяти.

Способ, проверенный столетиями, и неизменно продолжающий выручать.

Вот и теперь помог. Я успокоился, сделал глубокий вдох-выдох и самым примирительным тоном, на который только был способен, задал свой первый вопрос:

– Глубокоуважаемый Адмирал, а как вышло, что йорхи покинули вашу систему и оказались здесь?

Но ответа не дождался.

Жемчужный туман начал стремительно редеть, словно утекая сквозь обшивку «скутера», а затем случилось и вовсе странное. На какие-то пару секунд я закрыл глаза и потряс головой, чтобы навести в ней хоть какой-то порядок. А когда открыл, то увидел вокруг себя не чернильную тьму вражеского трюма, а привычный космос с мириадами разноцветных дружелюбных звезд. И стадо моих соларов точно по курсу, охраняемое по бокам «овчарками». Ровно двадцать девять животных и пять «овчарок». Один к одному.

Здрасьте, приехали. И что это было? Спонтанное погружение в сон? Помрачение сознания? Галлюцинация?

Я посмотрел на часы. Десять часов и тридцать две минуты. То есть с момента радиовызова с базы прошло всего четыре минуты?! Не может этого быть. Точнее, может, но только лишь в том случае, если все, начиная с радиовызова и заканчивая вопросом Адмиралу, мне привиделось или приснилось.

Хм. Есть еще один способ это проверить. Даже два.

Я сунул руку под кресло и вытащил заветную флягу. Так и есть. Полная. Можно и видеозапись не проверять. Но я, разумеется, проверил. И не обнаружил ничего: ни своих радиопереговоров с базой, ни «роз», ни жемчужного тумана, ни голоса Адмирала. Как и следовало ожидать.

Значит, что? Психика дает сбои и пора на заслуженный отдых? Вот, черт, не хотелось бы. Я люблю космос, и работу свою люблю, а на Земле пока нет дел, которыми я бы хотел заниматься остаток моей жизни. Может быть, плюнуть? Мало ли, с кем не бывает. Пройдет. Вер-

нусь сегодня на базу, попрошу у начальства небольшой отпуск и махну на Цереру. Тамошние девочки за пару-тройку дней, конечно, облегчат мои карманы, но и в чувство приведут. Уверен. Решено, так и сделаем. А об этих четырех минутах никому не скажем. Будем надеяться... Так, куда это они? «Полянку» нашли?

Мои солары плавно начали сбрасывать скорость и вслед за вожакom забирают куда-то вправо по широкой дуге.

Так бывает, когда животные обнаруживают «полянку» – особое место в Поясе, где солнечные тюлени способны находиться часами. Предполагается, что именно на «полянках», в силу их особых физических характеристик, Solar seals и пасутся, вытягивая все необходимое для своего фантастического организма прямо из окружающего вакуума. Вероятнее всего – чистую энергию. Потому как до сих пор никто точно не знает, чем именно питаются солары. Такой вот парадокс. Пасты мы их пасем и доить доим, а что они жрут, понятия не имеем.

Точнее, мы-то, пастухи, знаем, что так оно все и обстоит – и с «полянками», и с соларами, и с чистой энергией из вакуума. Это ученые сомневаются и все никак не могут свою гипотезу окончательно и бесповоротно доказать. Оно и понятно. Для этого надо иметь хотя бы одного мертвого солара, чтобы сделать вскрытие и посмотреть, что у него внутри. Мертвого же солара никто и никогда не видел. Сами они не умирают (то есть на памяти человеческой ни один еще не умер), а убивать их – рука не поднимается. Даже у самых отъявленных и циничных негодяев. Во-первых, это совершенно бессмысленно с экономической точки зрения, поскольку живой солар с его «молоком» в миллионы раз ценнее мертвого. Во-вторых, не так уж и просто это сделать. В самом начале, когда Солнечные тюлени только-только были открыты, ученые-охотники сделали пару неудачных попыток. Но затем вышел закон о запрещении убийства соларов для каких бы то ни было целей, и все попытки сами собой прекратились. А в-третьих, отъявленные и циничные негодяи в космосе обычно надолго не задерживаются. Не терпит космос таких. И очень быстро от них избавляется. Любыми путями.

Но мы отвлеклись. Сбрасывают, значит, солары скорость, я тоже торможу чуть не до нуля и тут вижу, что вожак разворачивается и плавно устремляется к «скутеру». Лоб в лоб. Стадо – за ним...

Представьте себе огурец, длиной от тридцати до пятидесяти метров, весь покрытый короткими (1,5–2 метра) и толстыми отростками. Огурец может самостоятельно менять свою длину и толщину, а также излучает в окружающее пространство собственный свет. Цвет и яркость которого также легко меняются. Вот это и будет солар, если кто ни разу не видел фото или видео, хотя, конечно, в подобное трудно поверить.

И вот двадцать девять таких огурцов устремляются к вашему «скутеру». Поневоле напряжешься.

Я и напрягся. Но никаких мер предпринимать не стал. Мало ли? Играют, может, животные так. Бывает. Солары приблизились чуть ли не вплотную, затем развернулись и устремились прочь от «скутера». Отлетели на триста с лишним метров и закружились в странном, никогда мною не виданном, хороводе.

Бог ты мой, неужто я стал свидетелем брачного танца? Да это же сенсация! Никто и никогда пока еще не видел совокупляющихся соларов, и мы не знаем, каким образом на свет появляются новые особи.

Однако уже через несколько секунд мне стало ясно, что этот хоровод к брачным играм-танцам не имеет ни малейшего отношения. А имеет он самое непосредственное отношение к русскому языку. Потому что прямо передо мной двадцать девять соларов выстроили из собственных, сияющих оранжевым светом тел, следующие послание: «ДЕЛАЙ ТАК!» Двадцать семь соларов составили буквы, а двое – восклицательный знак. Два слова со знаком препинания на конце продержались в космосе достаточно времени, чтобы я несколько раз успел их прочесть, и рассыпались, снова превратившись в обычное стадо Солнечных тюленей.

Проверить, не было ли только что увиденное очередной галлюцинацией, я не успел – с базы пришел радиовывоз:

– Ферма-два – Пустыннику, Ферма-два – Пустыннику. Как слышите меня? Прием.

Дежурная фраза при вызове, но меня неожиданно охватило жутковатое ощущение дежавю. Чем черт не шутит... А если попробовать?

– Здесь Пустынник. Слышу вас хорошо, – ответил я и, решившись, добавил. – Что там у вас, ребята, неужто внеплановый космолет с голыми бабами на борту? Прием.

– С каких это пор ты интересуешься голыми бабами? Я думал, тебе и твоих соларов хватает по самое не могу. Прием.

Ну далее по накатанной.

Стоит ли сообщать, что разговор с базой повторился один в один, и я уже догадался, что произойдет дальше?

Поэтому, когда на обзорном экране появились три «розы», диаметром четырнадцать, восемнадцать и двадцать два километра, мне было совершенно ясно, что делать. Каким-то непостижимым образом солары сумели показать мне кусочек будущего, тем самым дав подсказку и оказав поддержку. И я намеревался данной поддержкой воспользоваться в полной мере. Правда, оставалось неясным, что именно ответит Адмирал на мой первый вопрос, и что я спрошу его потом, но... Видимо, будущее вариативно, и предусмотреть все не могут даже солары.

Что ж, спасибо и на этом. Клянусь, что если Земля уцелеет... Впрочем, без всяких «если». Пастух я или кто? А пастух всегда найдет выход из самого безнадежного положения. Особенно, когда рядом с ним его любимое стадо.

Слуга

– Робин, лови! – крикнула девочка и кинула мяч.

Двухметровый робот по имени Робин вскинул руку-манипулятор, и мяч словно прилип к его гибким титановым пальцам.

– Теперь ты мне, – хлопнула в ладоши девочка. – Ну же, бросай!

Робот осторожно послал мяч навесом по плавной дуге. Бросок был несильным, но как раз в этот момент из-за облака вынырнул солнечный луч, ударился об отполированную до зеркального блеска нагрудную пластину Робина и, отскочив назад и в сторону, угодил девочке в глаза. Девочка зажмурилась, и мяч, пролетев между ее растопыренными руками, упал на травянистый склон и, набирая скорость, весело поскакал вниз, к реке. Он благополучно домчался до берега, высоко подпрыгнул на кочке, плюхнулся в воду и поплыл. С того места, где стояла девочка, было хорошо видно, как солнце, окончательно высвободившись от объятий облака, блестит на его мокрых и гладких боках.

– Ой, – растерянно сказала девочка. – Мой любимый мячик... Упустила! Теперь он уплывет в море, и я его никогда не увижу. Робин, иди сюда скорее!

Робот оттолкнулся от земли и, в два прыжка-шага преодолев разделяющие их несколько метров, оказался рядом.

– Ты видишь мячик? – девочка протянула руку к реке. – Вон он плывет!

– Я вижу мячик, – подтвердил робот.

Он говорил низким и глухим, лишенным всяческих интонаций голосом, но девочка уже давно к этому привыкла, и ее детское воображение само дорисовывало голосу Робина недостающие краски.

– Ты можешь его достать?

– Могу.

– Тогда достань, пожалуйста. Тем более ты тоже виноват. Если бы не твой блестящий панцирь, я бы его поймала.

Робину потребовалась доля секунды, чтобы определить расстояние до объекта, скорость его движения и время, которое потребуется на выполнение задания, после чего он шагнул в сторону, включил реактивный заплечный ранец, поднялся в воздух и устремился вниз, к реке.

Девочка видела, как робот плавно опустился к самой воде и ловко подхватил на лету, чуть было не потерянный навсегда мяч.

– Молодец, Робин!

– Маргарита! Иди-ка сюда, дочка! Посмотри, что я принес!

Девочка обернулась.

У калитки дома стоял папа и, улыбаясь, призывно махал ей одной рукой, а другой прижимал к груди какую-то большую коробку.

Папа так просто звать не будет, подумала девочка, надо идти. Она посмотрела на Робина, который вместе со спасенным из речных вод мячом уже развернулся, чтобы лететь обратно, и побежала к дому.

Контейнер был ярко-оранжевого цвета и напоминал поставленный на попа крупный плод неведомого растения. Мартин торжественно водрузил его посреди стола, предварительно отодвинув в сторону вазу с цветами и, явно гордясь собой, отступил на шаг назад.

– Что это? – улыбнувшись, спросила Марта.

Она уже поняла, что муж приготовил сюрприз, и соответственно настроилась играть роль радостно изумленной жены. А может быть и не играть. Может быть, она действительно порадуется.

– На еловую шишку похоже, – не очень уверенно сказала девочка. – Только большую. Что там внутри, папа?

– Э! – сказал Мартин. – Внутри там такая штука, которой ни у кого еще нет. Ни у кого во всем мире. Представляете? Только у нас. Опытный образец.

– Опять чего-то изобрели? – предположила мама и, склонив голову набок, поинтересовалась. – Надеюсь, эта твоя штука не опасна? Не забывай, что в доме ребенок.

– Марта, ну что ты такое говоришь! Как я могу принести в дом что-то опасное! Эта вещь... это такая... такое.... Я специально тебе раньше не рассказывал, чтобы приятно удивить. А теперь мне, как ведущему конструктору проекта, доверили испытать ее в домашних условиях. Вернее, не испытать – она успешно прошла все испытания – а... ну, в общем, окончательно проверить, как она будет работать в обычной нормальной семье. Понимаешь?

– Нет, – сказала Марта. – Пока не очень. То есть, я рада, конечно, что нашу семью твое руководство сочло нормальной, но, может быть, все-таки постарайся объяснить более внятно?

– Я лучше покажу, – подмигнул Мартин и вытащил из нагрудного кармана маленький пульт управления. Смотрите!

Он нажал на кнопку и оранжевый «плод» бесшумно раскрылся, словно дикий цветок, разделившись на пять одинаковых лепестков.

– Ой, – воскликнула девочка, – то это там такое красивенькое?

Между лепестками, не касаясь их, прямо в воздухе висело что-то вроде маленького серебристого облачка. Казалось, что оно течет и неуловимо меняет свою форму, в то же время оставаясь на месте.

– Оригинально, – сказала мама, изо всех сил стараясь скрыть иронию и смутное беспокойство. – И что с этим делают?

– Терпение, – ответил папа. – Сейчас увидите.

– Я принес, – раздался с порога бесстрастный голос.

Они обернулись.

В дверях стоял Робин с еще не успевшим высохнуть мячом.

– Побудь пока на улице, Робин, – поморщился Мартин. – Ты не вовремя. Мы тебя позвем, когда будешь нужен.

– Спасибо, Робин! – девочка подбежала к роботу и взяла мяч. – Папочка, пусть Робин тоже посмотрит, хорошо?

– Хорошо. Если тебе хочется... – пожал плечами Мартин и снова повернулся к столу. – Итак, дорогие мои, смотрите внимательно. Перед вами устройство под названием УПС-4М. Что расшифровывается как Универсальный Помощник-Слуга. Четвертая модель. Можно звать просто Упс. Упс, ко мне! – приказал он.

Облачко приподнялось над столом, поплыло-полетело к Мартину и замерло над его правым плечом.

– Марта, – спросил Мартин. – У тебя сейчас есть какая-нибудь работа по дому? Ну, может, пыль надо вытереть или посуду помыть?

– Еще чего! – возмутилась мама. – Робин с утра все сделал. У нас чисто.

– Робин... – хмыкнул папа. – Да, конечно... Тогда... О, я вспомнил! Старое кресло-качалка твоего дедушки! Та, что валяется в моем гараже. Я тебе всегда говорил, что его нельзя починить, потому что оно слишком старое, помнишь? А ты все не хотела с ним расставаться.

– И что?

– Пошли.

– Упс, за мной, – сказал папа, и облачко поплыло следом, держась над его правым плечом.

– Робин, пойдем с нами, – сказала девочка и взяла робота за металлический палец.

Машину Мартин оставил на улице, и в гараже было пусто. В левом дальнем углу, под старыми чехлами и разным тряпьем угадывалось осевшее на бок кресло.

Марта тут же вспомнила, как маленькой девочкой любила в отсутствии бабушки забира́ться в него с книжкой и, уютно поджав под себя ноги... Да. И бабушка умер, и его кресло превратилось в самую настоящую рухлядь. Как скоротечна все-таки жизнь людей и вещей...

– Упс, – сказал Мартин. – В левом от нас дальнем углу – кресло. Освободи его и тащи сюда, на середину.

Казалось, что в гараже действует невидимка. Прямо на глазах облачко расплылось, стало прозрачнее, вытянулось по направлению к креслу и... пропало из виду. И вот уже чехлы и тряпки аккуратно сложены на полу, а кресло, поднятое незримой силой, переместилось по воздуху и оказалось в центре гаража. Рядом с Мартином. После чего Упс, будто соткавшись из окружающего пространства, снова замерцал-засеребрился над папиным плечом.

– Это еще не все, – сказал Мартин. – Теперь второй номер нашей программы. Упс, надо починить это кресло. Чтобы было, как новое. Приступай. В качестве подсобного материала разрешаю использовать вот это тряпье на полу.

То, что произошло следом, напоминало уже самое настоящее волшебство. Упс разделился на две неравные части. Одна – та, что побольше, как бы всосалась в плетеную, всю в прорехах и дырах, спинку кресла и пропала из виду, а вторая метнулась к тряпкам на полу, и те стали таять, превращаясь в клубящуюся, похожую на плотный дым, массу. Вот эта масса поползла к креслу, окутала его...

В гараже заметно похолодало. Марта поежилась и вопросительно поглядела на мужа.

– Ничего удивительного, – сказал Мартин и нажал кнопку в стене, открывая ворота гаража и впуская теплый летний воздух с улицы. – На все требуется энергия. Упс берет ее из окружающей среды, и поэтому температура падает. Ты смотри, смотри...

А посмотреть было на что.

Старое, пыльное, искалеченное временем и службой кресло, преображалось на глазах. Исчезли дыры и прорехи в спинке и сиденье, затянулись трещины и сколы в подлокотниках, срослись две сломанные ножки-стойки... Как будто кто-то долгие годы ежедневно снимал кресло на киноплёнку, фиксируя его постепенное старение и смерть, а теперь на большой скорости запустил кино в обратную сторону. Десять секунд... пять... три, две, одна... Все. Сияя новеньким лаком, перед ними стояло, как будто только что доставленное из мебельного магазина, кресло. А Упс, как ни в чем не бывало, уже снова серебрился над правым плечом Мартина, готовый к новым свершениям.

– Просто чудо какое-то, – покачала головой мама. Надо же... И что, он все так может починить?

– Почти, – явно гордясь произведенным впечатлением, ответил Мартин. – И не только починить. Упс очень многое умеет. Мне сейчас пора возвращаться на работу, а вечером и завтра, в субботу, я тебе все покажу и расскажу. Хорошо? А ты пока почитай внимательно инструкцию. И, если хочешь, покомандуй Упсом сама. Он, повторяю, совершенно безопасен и просто не выполнит приказ, который может принести кому-то вред. Три закона роботехники, помнишь? Вот. По сути, Упс такой же робот, как и наш Робин. Только гораздо более совершенный. Впрочем, о чем это я! Не просто более совершенный, а... В общем, сравнивать Робина и Упса – это все равно что сравнивать древнюю телегу с современным глайдером. – Он посмотрел на часы. – Все, мне пора бежать, иначе рискую опоздать на совещание. Приготовь на вечер что-нибудь вкусненькое, хорошо? Отпразднуем это событие. Да, и вот еще что... Мы живем на отшибе и редко принимаем гостей. Это обстоятельство тоже сыграло свою роль, когда для окончательной проверки Упса выбрали именно нашу семью. Догадываетесь, почему?

– Конкуренты не дремлют, да, папа? – сказала девочка.

– Умница, дочка. Именно так. Конечно, даже если нашим конкурентам удастся вызнать, что Упс здесь и выкрасть его, то они немногого добьются, потому что к тому времени, как они разберутся в его устройстве, мы уже завоюем рынок. Но. Генеральный директор лично попросил меня вам передать, чтобы вы потерпели месяц и никому не рассказывали об Упсе. Совсем никому. Понимаете? И еще он сказал, что наше молчание будет очень хорошо вознаграждено.

– Насколько хорошо? – поинтересовалась Марта.

– Настолько, что нам больше не придется думать о погашении банковских кредитов, потому что в тот день, когда мы объявим о начале продаж Универсального Помощника-Слуги, я становлюсь не просто ведущим специалистом, а полноправным компаньоном фирмы. Понимаете, что это значит?

– Мы станем богатыми, – кивнула Марта. – Да, ради этого стоит месяц подержать язык за зубами. Тем более, что мы и так не болтливы. А, Маргарита, как ты считаешь?

– Да, мама, – согласилась девочка. – Мы с Робинем никому не скажем.

– Вот и хорошо, – улыбнулся Мартин. – Я очень на вас надеюсь.

И, поцеловав жену и дочь, глава семейства приказал Упсу вернуться на место в футляр (тот немедленно скользнул в дверь и скрылся из вида), сунул чуть растерянной Марте пульт управления и быстрым шагом вышел из гаража.

– Пока, – сказала в удаляющуюся спину мужа Марта и задумчиво посмотрела на пульт в своей руке. – Упс, пробормотала она. – Неужели получше имени не нашлось?

Генеральный директор поднялся со своего места и медленно оглядел присутствующих. За обширным столом в зале заседаний головного офиса фирмы присутствовало все высшее руководство.

– Господа, – произнес он. – Я рад вам сообщить, что многолетняя работа по созданию и испытанию Универсального Помощника-Слуги завершена, и завтра мы скажем всему миру, что отныне он вступает воистину в золотой век. Да, из-за жесткой конкуренции в сфере нанотехнологий нам пришлось держать исследования в строжайшем секрете и пойти на беспрецедентные меры безопасности, но в конечном итоге они себя оправдали. Завтра мы проснемся знаменитыми, а наша фирма навечно будет вписана золотыми буквами в историю цивилизации. Простите за излишний пафос, но я не смог удержаться. Итак, сейчас перед нами выступит с докладом наш ведущий специалист. Вы все его знаете и знаете также, что последний месяц УПС проходил окончательную проверку в его семье. В условиях, так сказать, наиболее приближенных к боевым, как выразились бы военные. Но мы, к счастью, производим не военную технику, хотя изобретенные нами технологии вполне применимы... Э-э...прошу прощения, я несколько увлекся и отошел от темы. Прошу вас, Мартин.

Мартин встал и, волнуясь, откашлялся. Все хорошо, подумал он, спокойно, дружище. Твоя мечта исполнилась почти на все сто процентов, и уже завтра ты станешь богат и знаменит. Не дрейфь, начинай.

И он заговорил.

Он начал с рассказа о починенном старом кресле, и далее красочно поведал собравшимся о том, что с появлением в доме Упса у его семьи отпала необходимость в многочисленных и зачастую дорогих бытовых приборах. Упс мог постирать и высушить белье без стиральной машины, погладить его без утюга, убрать пыль без пылесоса, приготовить еду без микроволновки и сделать еще тысячу и одно дело по дому. И все это быстро и качественно по первому же приказу.

– Разумеется, – все это вам известно, – говорил Мартин, чувствуя как все больше и больше его охватывает воодушевление. – Но поверьте, господа. Одно дело знать это теоретически и даже наблюдать результаты испытаний воочию здесь, в лабораториях и на производственных площадях нашей фирмы, и совсем другое – держать такое чудо у себя дома, ежедневно сталкиваясь, я бы сказал, с воистину сказочным удобством и комфортом, которые обеспечи-

вает УПС. Он просто незаменим. Те домашние роботы, которыми мы пользуемся сейчас, не идут ни в какое сравнение с УПСом. Конечно, УПС будет стоить дороже. Но у меня у самого одна из надежнейших модификаций домашнего робота, и скажу вам, что с появлением УПСа, необходимость в Робине (так его зовет дочка, ну, и мы с женой тоже) практически отпала. Если бы не дочь, которая привыкла к Робину и не желает с ним ни за что расставаться... Впрочем, простите, к делу это уже не относится. Итак. Мало того, что УПС не требует за собой ухода и его не нужно ремонтировать, поскольку он способен к самовосстановлению, он еще и замечательный домашний врач, а точнее сказать, фельдшер. Две недели назад, например, моя дочь Маргарита упала и в кровь разбила коленку. УПС залечил ссадину за десять минут. Да так, что не осталось ни боли, ни царапины. Чистая новенькая кожа! Да, недаром, еще в конце двадцатого века доктор Эрик Дрекслер предупреждал человечество, что возникновение и развитие нанотехнологий сравнимо по своей значимости с изобретением колеса и письменности. Он был прав. И в ближайшие дни и месяцы человечество с благодарностью убедится в этом. Древние мыслители утверждали, что наша цивилизация развилась во многом благодаря тому, что у человека появилось свободное время. Что ж, УПС даст людям столько свободного времени, что, боюсь, им придется серьезно задуматься, куда его девать. Впрочем, это уже не наша забота. А теперь позвольте продемонстрировать вам короткий фильм, который мы смонтировали по результатам последних испытаний в моем доме....

Марта покосилась на часы и прибавила скорость. Хорошо хоть в это время на дороге мало машин. Но она все равно слишком долго провозилась в городе. А все из-за Робина. Угрозило же его так сломаться, что даже Упс не смог починить старого робота и пришлось его везти в специализированную мастерскую, оставлять там на три дня, а теперь забирать обратно. Вон, развалился на заднем сиденье, как ни в чем не бывало, башкой своей в крышу упирается, дылда титано-углеритовая... И все эти три дня Маргарита буквально не находила себе места. Если б не дочь, то, конечно, стоило отправить его на свалку. Ресурс выработан практически полностью, так сказали в мастерской. Но Маргарита... Нет, она ни за что не согласится расстаться с Робинком. Во всяком случае, до тех пор, пока не вырастет. Да и то сказать, – он с ней чуть ли не с пеленок. Привыкла. И даже полюбила. Она его одушевляет, как одушевляют дети любимые игрушки. Впрочем, ничего удивительного – мы взрослые иногда поступаем точно также. Взять того же Упса. За этот месяц я так к нему привыкла, что, пожалуй, еще немного и я поверю в наличие разума у этого серебристого и такого услужливого облачка. Хорошо, что он есть, и Маргариту можно спокойно с ним оставить. Девочка почему-то не очень любит город (впрочем, а за что его любить?) и всегда, по возможности, остается дома, где ей всегда есть чем заняться и во что поиграть. Раньше был Робин, а теперь, вот, появился еще и Упс. Робин и Упс. Упс и Робин. Господи, эдак я скоро превращусь в настоящую хозяйку богатого поместья (с учетом того, что Мартин – тьфу-тьфу! – станет компаньоном фирмы, мы вполне сможем себе такое позволить), которая только и знает, что командует роботами-слугами и... Что это? Дым? Странно... и в нашей стороне... О, Боже, Маргарита!

И, чувствуя, как из груди вот-вот выпрыгнет перепуганное насмерть сердце, она до упора вдавила педаль газа.

Дом пылал, словно костер на ветру.

Собственно, он и превратился в гигантский костер. Пламя охватило его со всех сторон, и было совершенно ясно, что спасти его уже невозможно. Пожарные вертолеты будут здесь не раньше чем через десять минут, но за это время...

Марта затормозила в пятидесяти метрах, выскочила из машины и в ужасе до крови укусила себя за руку. Маргарита, девочка, где она...

– Маргарита! Доченька!! – ее крик перекрыл гул пламени, но на зов никто не откликнулся.

Может быть, она пошла к реке или в лес... Упс. Где Упс?! Она приказала ему перед тем, как уехать, ни на минуту не оставлять девочку одну. Значит... значит все должно быть хорошо. Упс бы не позволил...

И тут она его увидела. Знакомое серебристое облачко висело неподалеку в полутора метрах над землей и, казалось, безучастно наблюдало за пожаром.

– Упс! – кинулась к нему Марта. – Где, Рита, Упс?! Где моя дочь, ты, чудовище?!

Она совершенно забыла о том, что Упс не говорит, и не имеет плотной материальной структуры, и попыталась схватить Универсального Помощника-Слугу. Ее пальцы, как и следовало ожидать, прошли сквозь Упса, не причинив последнему ни малейшего вреда, и Марта, потеряв равновесие, упала на траву.

– Что ты здесь висишь?! – закричала Марта. В дом!! Лети в дом! Спаси мою девочку! Спаси Маргариту, Упс! Я приказываю тебе, слышишь, ты...

Она захлебнулась собственным криком и дымом, закашлялась, близкое пламя обдало ее нестерпимым жаром, и она поняла, что вот-вот потеряет сознание. Упс, не торопясь, отплыл назад, подальше от пламени, и последнее, что почувствовала Марта перед тем, как перед ней опустилась спасительная тьма, – это чьи-то сильные руки, которые отшвырнули ее назад, подальше от горящего дома...

Марта очнулась оттого, что кто-то вылил ей на лицо холодную воду. Открыла глаза, сразу все вспомнила и рывком села. Молодой пожарник с флягой в руке, из которой он, вероятно, ее и поливал, еле успел отпрянуть в сторону.

– Что? – сказала Марта и сама поразилась своему хриплому, сорванному криком, голосу. – Где моя дочь? Она...

– Жива, жива ваша дочь, – улыбнулся пожарник. Жива и здорова. У нее небольшой шок, и врачи оказывают ей помощь. Ничего серьезного, поверьте. Сейчас я вас к ней отведу. Скажите спасибо вашему домашнему роботу. Если бы не он... Пожертвовал собой, шагнул в пламя. Первый закон роботехники сработал. Дочка ваша в подвале спряталась, но это бы ее вряд ли спасло. Дым и высокая температура... В общем, он ее нашел, закутал в мокрое одеяло – и как догадался – ума не приложу! – и вынес из огня. Еще бы пяток секунд... и все. Поплавился он, конечно, сильно и двигаться сейчас не может, но дочку вашу спас и мозги целы остались. Починить можно. Дом, конечно, ремонту не подлежит. Заново строить придется. И лучше не из горючих материалов. А мужу вашему мы уже сообщили, и он должен прибыть с минуту...

Но Марта, уже не слушая пожарника, поднялась на ноги и шагнула навстречу дочке, которая со всех ног бежала к ней от глайдера «Скорой помощи».

– Итак, Мартин, насколько я понимаю, золотой век откладывается, – Генеральный повернулся спиной к окну и посмотрел на своего ведущего специалиста.

– Да, – сказал Мартин и непроизвольно сглотнул. И, боюсь, что надолго.

– Вы можете кратко и доходчиво рассказать, что произошло? Почему в кризисной ситуации у нашего УПСа не сработал Первый закон? И почему он попытался сбежать?

– Могу.

– Я слушаю.

– Э-э... предстоят, конечно, еще тщательные исследования, но в целом картина уже ясна. Дело в том, что мы, сами того не желая, создали уже не совсем машину.

– То есть?

– УПС, как вы знаете, способен не только к самовосстановлению, но и к самообучению. Если бы не эта его способность, он не смог бы быть таким, как мы его задумали. Таким продвинутым. Излишне, я бы сказал, продвинутым. Обычный робот не способен к самообучению. Он действует строго по заложенным в него программам. А УПС... В общем, я... мы предполагаем, вернее, мы уверены, что УПС по мере саморазвития пришел самостоятельно к выводу, что ценность его существования выше ценности человеческой жизни. В общем, если говорить прямо, мы создали не Универсального Помощника-Слугу. Мы создали, или, скажем так, почти создали искусственный интеллект. Разум. Ведь только разуму принадлежит свобода выбора. Только разум может оценить последствия своих действий и, соответственно, принять решение. Только разум отличает жизнь от смерти. На самом деле мы сделали великое открытие. Пусть это вышло случайно, но от этого его величие не меньше. Может, это прозвучит слишком смело, но то, что у нас получилось, по своему значению не равнозначно, а значительно превосходит изобретение колеса и письменности и...

– И мы теперь совершенно не знаем, что нам с этим открытием делать, – перебил Мартин Генеральный. Вы себе представляете, насколько оно опасно? Вижу, пока не очень. Эх, конструкторы-изобретатели-ученые... Вечно одно и то же с вами. Впрочем, я вас не осуждаю. Да, УПС надежно изолирован?

– Абсолютно. Силовое поле для него непреодолимо. Да и кроме поля...

– Хорошо, идите. Будем думать, что делать дальше. И не вешайте носа. В компаньоны я вас, разумеется, пока не возьму, но премию вам выписал достойную. Хватит, чтобы построить новый дом.

И Генеральный, давая понять, что разговор окончен, снова повернулся к окну.

– Бросай! – крикнула девочка.

Робот по имени Робин послал мяч по плавной дуге. Маргарита ловко его поймала и кинула обратно.

Мартин и Марта сидели в шезлонгах во дворе только что отстроенного дома и наблюдали за игрой дочери и робота.

– Ты не поверишь, – сказала Марта, – но у меня была мысль отправить его на свалку.

– У меня тоже, – криво улыбнулся Мартин. – Странно устроен человек. Вечно ему хочется лучшего. Хоть и знает, что это может ему обойтись слишком дорого.

– Знаешь, – повернулась к мужу Марта. – Я, конечно, могу показаться тебе глупой и темной женщиной, но чем дольше я думаю над тем, что произошло, тем больше мне хочется верить, что за спасение Маргариты мы должны благодарить вовсе не этот твой Первый закон роботехники.

– А что же еще? – машинально спросил Мартин.

– Понимаешь.... Это вы, мужчины, вечно полагаетесь на всякие законы и силу разума. Мы, женщины, больше склонны доверять чувству. Ладно, пойду гляну, как там моя курица в духовке... Тебе принести еще пива?

Ни дня без сенсации

– Итак, с глубочайшим сожалением мы вынуждены констатировать, что тираж нашей газеты за последние три месяца упал на двадцать процентов и сия печальная тенденция продолжает иметь место быть, – произнеся эту витиевато-безграмотную фразу, редактор ежедневной областной газеты «Открой!» снял очки в дешевой пластмассовой оправе и обвел сотрудников усталым взглядом.

Сотрудники индифферентно молчали.

– Вы, разумеется, понимаете, – продолжил редактор, – что так дальше жить нельзя. Потеря тиража это прямая потеря денег. Так что на повышение гонораров в ближайшее время можете не рассчитывать. Об окладах я уже молчу.

Собрание зашумело.

– Как же так...

– Вы же обещали!

– Чем семью кормить?

– Вы на цены кругом посмотрите!

– А инфляция?!

– Стараешься тут, работаешь как вол...

– Пусть отдел рекламы почешется!

Теперь молчал редактор. Он вертел в пальцах очки и терпеливо переживал посеянную им бурю в стакане воды. Когда все давно известные в подобных случаях предложения, возмущенные выкрики, железные аргументы и просто междометия стали повторяться, редактор надел очки, хлопнул по столу ладонью и сказал:

– Тихо! Я еще не закончил. Все мы профессионалы, и я не собираюсь учить вас делать газету. Хотя, возможно, иногда и не мешало бы. Поступим следующим простым способом: пусть каждый займется своим делом. Но только займется, а не сделает вид! Ваше дело – писать. И писать так, чтобы вашу писанину хотелось прочесть всем. Понимаете? Хотелось! Вы можете писать все, что угодно, – хоть романы. Но мое дело редактировать. И если я, как редактор, сочту вашу писанину скучной или просто не заслуживающей внимания, то не обессудьте – на страницах нашей газеты места для вас не найдется. И еще. С сегодняшнего дня я лучше опубликую материал из другого издания или выйду с дырой в полосе, чем поставлю в номер какую-нибудь очередную проходную, написанную левой задней лапой, серятину своего журналиста. За острые и, тем более, сенсационные материалы гарантирую повышенный гонорар и двойную премию. Последнее – в случае стабильности в поставках качественного материала. Судить о том, что хорошо, а что плохо, буду я. Ну и редколлегия. Иногда. При этом каждый творческий работник, как водится, может высказать свое мнение и внести любое предложение, могущее повысить тираж газеты. Особо будут отмечаться не просто идеи, а идеи, так сказать, осуществленные. В текстах, снимках, рисунках и макетах полос. Все, можете идти работать.

Планерка фыркающая и вздыхая расползлась из редакторского кабинета по рабочим местам. Настроение сотрудников менее всего соответствовало возрождению в редакции бодрого духа газетного творчества: народ был вялый, апатичен и ворчлив, как и всегда в первые минуты после редакторского разноса.

Корреспондент отдела информации Михаил Бережной сидел за своим издававшим многие виды стол, пялился на экран потрепанного непростой газетной жизнью монитора и размышлял о том, что жизнь, по-видимому, не удалась.

«Мне сорок лет, – думал Миша. – В этом возрасте люди становятся генералами, лауреатами Нобелевской премии, редакторами крупных газет и президентами богатых фирм. Или не становятся. Как я. Что у меня есть? Двухкомнатная квартира, жена, двое детей, вечное безде-

нежью да несколько сотен статей, которые давно всеми забыты... Эх, пойти коньячка выпить, что ли?»

В распивочной «У Томи», расположенной рядом с редакцией, было, как всегда, шумно и дымно. Он взял свои всегдашние пятьдесят грамм и отошел за ближайший свободный столик. Коньяк не замедлил оказать свое благотворное действие на измученный бесплодными умственными и душевными терзаниями Мишин организм. И в тот момент, когда газетчик решил повторить для закрепления достигнутого тактического успеха, у его столика, чуть пошатываясь, возникла невысокая личность в потертом до белизны на сгибах кожаном реглане и засаленной кепке. Из-под кепки в разные стороны торчали неопрятные космы желтых, с обильной проседью, волос.

– Привет, – хрипло поздоровалась личность.

Старательно глядя в сторону, Миша Бережной промолчал, по опыту зная, что агрессивно-пьяным и сумасшедшим в глаза лучше не смотреть, а уж разговаривать с ними...

– Проблемы, брат?

«О, господи, – тоскливо подумал Миша, – и здесь нет покоя».

Он резко повернул голову и в упор глянул на пристава. И внутренне осекся. Владелец древнего кожаного реглана хоть и являл собой чисто российский тип спившегося ангела, но глаза у него были ясные, чистого темно-синего цвета, и взгляд этих глаз, казалось, просвечивал насквозь и самого Мишу Бережного, и все его проблемы.

– Ну, чего надо? – выдавил из себя корреспондент.

– Мне – сто пятьдесят коньяка, – твердо вымолвил ангел, – а тебе – удачи в делах. Ты ведь газетчик?

– Г-газетчик, – ошеломленно подтвердил Михаил, но тут же прикинул, что в этой забегаловке его многие знают и взял себя в руки.

– Ставь сто пятьдесят, и будет тебе вечная удача, весело пообещал незнакомец. – До самой, так сказать, смерти. Я сегодня добрый.

– А не обманешь? – насмешливо поинтересовался уже вполне пришедший в себя Михаил.

– Мы не в церкви, – сурово отрезал словами великого комбинатора собеседник.

И тут Миша Бережной, старый битый газетный волк, сделал то, что неоднократно делал в своей, полной неожиданностей, репортерской жизни, – он подчинился инстинкту. А подчинившись, прошел к стойке и взял сто пятьдесят ясноглазому незнакомцу и пятьдесят себе.

– Молодец, – одобрил тот, принимая стакан, – чутье есть. Значит, удача будет.

И залпом выпил.

Вернувшись в редакцию, Миша вывел компьютер из спящего режима и задумался. О чем бы таком сенсационном написать? «Если новостей нет, их нужно выдумать», – вспомнил он древнюю журналистскую заповедь и бодро застучал по клавишам.

Будь Миша Бережной трезв, он в жизни бы не написал подобную ахинею и уж тем более не стал бы ее сдавать в номер. Но его распирали коньячные пары и чувство необъяснимой уверенности в том, что все обойдется и будет просто замечательно. Поэтому, сочинив заметку о гигантских – более 10 сантиметров длиной – тараканах, терроризирующих жителей дома номер семь по ул. Победителей, Миша нахально сбросил ее ведущему редактору (начальник его отдела как раз пребывал в командировке и не смог остановить репортерского беспредела).

Звонок от ведущего раздался через десять минут.

– Сам придумал? – коротко спросил редактор.

– Еще чего! – возмутился Михаил. – Информация проверена.

– Ладно, я поставлю, – после короткого размышления сказал ведущий, – но, ежели что...

– Ежели что, я отвечу! – рявкнул Миша и положил трубку.

На следующий день он пришел на работу довольно поздно.

– Тут тебе уже два раза звонили, – недовольно сообщили ему коллеги. – Где тебя носит?

– Кто звонил-то?

– Житель дома номер семь по улице Победителей. Информашка «Тараканы Кинг-Конги» в сегодняшнем номере твоя?

– Моя. А что? – осторожно спросил Миша.

– Да ничего. Попросили автора статьи немедленно позвонить вот по этому телефону.

Начинается, тоскливо подумал Миша, повертел в руках листок бумаги с номером и, вздохнув, снял телефонную трубку.

– Как хорошо, что вы позвонили! – обрадовались на другом конце провода. – Понимаете, я даже не знаю как сказать....

– Да так прямо и говорите, – подбодрил корреспондент собеседника, которым, судя по голосу, был пожилой мужчина.

– Да, конечно... Дело в том, что сегодня утром я вышел на кухню и, знаете ли, у меня чуть сердечный приступ не случился.

– Отчего?

– Тараканы! Огромные, знаете ли, тараканы. Сантиметров десять длиной, не меньше. И наглые, как... эти... как эсэсовцы! Я их попытался прогнать, но они меня не боятся. Это я их боюсь.

– Так что вы от меня-то хотите?

– Статья про них ваша в сегодняшнем номере?

– Ну, моя.

– А статью я прочел уже после встречи с этими чудовищами. Вот и подумал, если вы знали об их существовании, то, может и методы борьбы с ними вам ведомы.

– Вы не против, если я сейчас приеду на них посмотреть? С фотокорреспондентом?

– А вы... разве вы их не видели?

– Знаете, журналист не всегда пишет о том, что видел собственными глазами. Я пользовался иными источниками информации. Давайте номер квартиры.

Минут через сорок Миша Бережной вместе с фотокором Лешей Зайцем звонил в дверь нужной ему квартиры дома номер семь по улице Победителей. Им открыл пожилой мужчина в плотном темно-бордовом халате, очках и высоких резиновых сапогах.

– Вдруг укусят, – пояснил он, заметив удивленный Мишин взгляд и проводил газетчиков на кухню.

Тараканы действительно оказались гигантскими, и некоторое время Миша Бережной ошеломленно наблюдал, как две рыжие твари величиной с хороших мышей пожирали оставленное на столе в тарелке печенье.

То есть просто-напросто они откусывали с края, глотали и откусывали снова. Над тарелкой стоял отчетливый хруст.

– Вот это да! Вот это кадры! – в упоении щелкал своим «Никоном» Заяц. – Ну ты, Мишка, крут – такую сенсацию раскопал!

Еще несколько монстров тараканьего мира шуровали в мусорном ведре. Ведро заметно тряслось и раскачивалось.

Попросив у хозяина литровую стеклянную банку с крышкой, Михаил вооружился веником и предпринял смелую попытку поимки насекомого. Тараканы-монстры явно еще не были знакомы с человеческим коварством, и Мише удалось запихнуть одного в банку, предварительно прижав веником к полу...

Когда переполох в редакции несколько поулегся, а рыжий пленник был торжественно передан представителю кафедры биологии местного университета, Михаил уселся за свой стол и крепко задумался. Ответственный секретарь уже заказал ему статью в завтрашний номер о

тараканах-гигантах со снимками и комментариями ученых, но не это сейчас волновало бравого корреспондента отдела информации. Статья – пустяк. Он настучит ее за пару часов. Беспокоило другое. Уж кому-кому, а ему было прекрасно известно, что он придумал этих тараканов. От начала и до конца. Придумал, а они тут как тут. Хорошенькое совпадение! Или...

После недолгих, но мучительных колебаний, Михаил, наконец, решился и быстро написал заметку о том, что в районном центре Турьевске (кстати, его родном городе) во время рытья котлована под фундамент жилого дома был найден клад из десяти тысяч (10 000) золотых монет царской чеканки. Клад передан правоохранительным органам.

Он сдал заметку в номер, после чего сел за статью о тараканах, а ближе к вечеру позвонил в Турьевск.

В городском Управлении внутренних дел города Турьевска к звонку корреспондента уважаемой областной газеты и земляку отнеслись со вниманием и подтвердили, что буквально два часа назад экскаваторщиком Родионом Бурзиным при рытье котлована был найден старинный клад ровно из десяти тысяч (10 000) золотых монет царской чеканки. Деньги, скорее всего, будут использованы на нужды города, за вычетом 25 процентов, которые причитаются лицу, нашедшему клад. Михаил поблагодарил, вытер внезапно выступивший пот со лба и осторожно положил трубку.

Следующие три недели пронеслись, как волшебный сон.

Михаил придумывал все новые и новые сенсации, постепенно повышая их значимость в масштабах области, страны и мира. Он писал об ожидаемом в области небывалом урожае пшеницы (до 100 центнеров с гектара!), об удивительном одновременном выздоровлении всех раковых больных в местном онкологическом диспансере, о поимке лох-несского чудовища, о разоблачении крупных преступных сообществ в стране и за рубежом, о решении проблемы СПИДа и о многом другом.

Его заметки и статьи начала перепечатывать и цитировать не только центральная, но и мировая пресса, тираж газеты «Открой!» взлетел на совершенно невообразимую высоту, а полученного за месяц гонорара с премией хватило, наконец, не только на продукты питания и оплату квартиры, но и на покупку жене хороших зимних сапог и новой куртки.

Сказать, что Миша Бережной не задумывался об удивительном свойстве, которое приобрело его перо, значит соврать. Задумывался. И еще как. Однако, не умея измыслить никаких более-менее разумных объяснений происходящему, перестал (или почти перестал) ломать над этим голову. Ему было просто интересно и страшно. Интересно, чем все это закончится, а страшно оттого, что он не знал, до каких пределов простирается его дар. Пока ему удавалось хранить происходящее в тайне от коллег, отшучиваясь и напуская на себя загадочный вид. Даже лучший друг Лешка Заяц не смог его расколоть.

– Погоди, – неизменно отвечал Бережной на все попытки фотокора докопаться до истины. – Я сам еще ни в чем не уверен. Со временем первым все узнаешь.

Однако в начале второго месяца его вызвал к себе главный редактор и настоятельно потребовал объяснений.

– Миша, – проникновенно сказал он, – мы с тобой старые газетные волки. Я тебя десять лет знаю. Как у тебя это получается?

– Костя, – честно ответил корреспондент отдела информации, – я не знаю. Но у меня есть мысль.

– Излагай.

– Ведь мы и наша газета не очень богаты, верно?

– Да уж, – компетентно подтвердил редактор.

– Я хочу попробовать сделать газету богатой. А заодно и нас с тобой. И всех сотрудников. Причем быстро.

– Слушай, я понимаю, что у тебя есть источник информации мне не известный, но...

– Подожди, не перебивай. Скажи, ты опубликуешь заметку, в которой будет говориться о том, что американский газетный магнат Генри Паммер, восхищенный оперативностью и точностью подачи информации в русской провинциальной газете «Открой!», перечислил на ее счет в качестве безвозмездного дара, скажем... э-э... Сколько нам нужно для полного счастья?

– Миллион долларов, – быстро сказал редактор. Чистыми.

– Нет, миллиона мало. Мне самому надо, как минимум, полмиллиона. Допустим, десять миллионов. Десять миллионов долларов. Это чистыми, без налогов. А еще лучше двенадцать. Только учти, миллион из этих денег – мой.

– А не многовато тебе? – приподнял бровь главный редактор.

– А тебе не совестно задавать такой вопрос?

Главный откинулся в кресле и уставился в потолок, шевеля губами и загибая пальцы. Пальцев ему явно не хватало.

– Хорошо, – сказал он, наконец. – Мы это опубликуем. Но, Миша, ты понимаешь, что начнется, если мы действительно получим эти деньги?!

– Опубликуй заметку, – сказал Бережной, подымаясь со стула, – а там поглядим.

Номер газеты с заметкой Михаила Бережного «Дар миллиардера» вышел в четверг, и уже в пятницу ведущие телеканалы разнесли новость по всей стране. А во второй половине дня в субботу корреспондента отдела информации областной ежедневной газеты «Открой!» Михаила Александровича Бережного украли.

Все произошло быстро и просто.

Он вышел из дома за хлебом в тренировочных штанах, майке «Найк» польско-китайского производства и летних шлепанцах на босу ногу. Но не успел преодолеть и половины расстояния до магазина, как рядом с ним притормозил невзрачный замурзанный «жигуленок», тут же, откуда ни возмись, возникли две крепкие мужские фигуры; и Миша не успел «мяу» сказать, как оказался в пропахшем застарелым табачным дымом салоне машины. Двое стиснули его широкими плечами с боков, и «жигуль», пробуксовав покрышками по шербатому асфальту, рванул с места в карьер.

– Что вам надо? – просипел Миша, когда к нему вернулось некое подобие голоса.

– Не волнуйся, – ласково ответили ему. – Ничего плохого с тобой не случится. За нами не мафия, а государство.

– Вот этого я как раз и боюсь больше всего, – пробормотал корреспондент. – Куда вы меня везете?

– Пока на аэродром.

Аэродром оказался военным.

– Жене хоть сообщите, – попросил Миша, когда его облачили в летный костюм и засунули в кабину штурмовика на свободное место.

– Сообщим, сообщим, не волнуйтесь, – пообещали ему, и прозрачный фонарь бесшумно отгородил Михаила от привычного мира.

Сам полет Миша запомнил плохо – слишком был занят собственными ощущениями – и пришел в себя, когда снова почуял под ногами твердую землю. Это опять оказался военный аэродром, где его уже ждала черная иномарка с тонированными стеклами.

Ехали через лес и не очень долго – минут через сорок машина вкатилась в мощные бронированные ворота. За воротами обнаружился прелестный особняк на ухоженной территории, а в особняке... Его провели в чисто убранную комнату с немногочисленной, но изящной обстановкой, среди которой наметанный взгляд корреспондента сразу выделил накрытый на двоих стол. Тут сзади послышались твердые шаги, Миша обернулся, дверь распахнулась, и он увидел...

– Ну, здравствуй, Михаил Александрович! – звучно сказал Президент и протянул свою большую крепкую руку.

– З-здравствуйте, – сумел промямлить Михаил, который от волнения забыл имя-отчество главы государства, но руку Президенту пожал и даже успел подумать, что жалко нет Зайца – сделать исторический кадр.

– Ты уж меня, Михаил Александрович, извини за столь... э-э... неожиданное наше знакомство. Поверь, это в твоих же интересах. Ну, и в интересах России, разумеется.

– Я ничего не понимаю, господин Президент, – корреспондент, наконец, справился с волнением и твердо посмотрел в глаза главному человеку страны.

– Брось, брось, – усмехнулся Президент. – Не понимает он... Давай-ка лучше подкрепимся для начала. Не знаю, как ты, а я проголодался.

Ледяная водочка под черную и красную икру, маринованные – один в один – грибочки, селедочку с лучком и тающий во рту сервелат; изумительная солянка и свежешаренный дальневосточный хариус с молодой картошкой...

– Миша, – проникновенно начал Президент, когда перешли к кофе с хорошим армянским коньяком, ничего, если я буду тебя звать по имени? У меня ведь сын твоих лет.

– Да ради бога, господин Президент! Кстати, у вас тут курить можно?

– Кури, – милостиво разрешил Президент. И брось ты своего «господина Президента»! Заладил. Зови меня просто по имени-отчеству.

– Не могу, господин Президент.

– Почему?

– Не знаю. Язык как-то не поворачивается.

На Михаила вдруг нахлынула волна бесшабашности, свойственная русскому человеку в те минуты, когда терять уже нечего.

– А ты штучка... – протянул президент и налил Мише и себе коньяка. – Ну ладно. Так что там происходит с твоей работой?

– С моей работой? Ничего. Работаем.

– Я имею в виду твои статьи.

– А что статьи? Пишу. Я, видите ли, журналист...

– Штукарь ты, а не журналист! – грохнул по столу кулаком господин Президент.

Пустая бутылка из-под водки свалилась со стола на пол, но не разбилась – помешал мягкий ковер. В дверь испуганно сунулось мужественное лицо телохранителя. – Пшел вон! – рявкнул глава государства.

Лицо поспешно исчезло.

– Я не понимаю, – сказал Миша, стараясь следить за дикцией. – Чего вы от меня хотите?

– Чего я хочу... Мне доложили невероятную вещь. Все, о чем ты пишешь в своих статьях, сбывается. Это так?

– Все, что я пишу в своих... Нет. Наоборот. Сначала событие, потом статья, – Миша выпил коньяк и закусил лимончиком.

Президент не отстал и сказал:

– Врешь. Мои аналитики не ошибаются. Сначала твоя статья, а потом событие. Любое. Миша, тебе известно, в каком положении страна? Цена на нефть падает, кредиторы одолевают, доморощенные магнаты и олигархи, мать их, не хотят вкладывать деньги в производство, силовые структуры с вооруженными силами, чтоб им.... даже говорить не хочу, бегство капитала, тут еще эта долбаная глобализация с экологией.... Помогите, а? Ты же русский человек! А родина тебя не забудет. Наша с тобой Россия.

– Ну, насчет того, что не забудет, не надо... Пусть лучше забудет. Я действительно не понимаю, чем и как я могу помочь. Поконкретнее можно?

– Поконкретней? Ладно, будет тебе поконкретней. Все очень просто. Нужно, чтобы ты написал серию статей. Ну там, что НАТО ушла из Восточной Европы, террористы на Кавказе и Ближнем Востоке сложили оружие, а Украина снова решила воссоединиться с Россией. Что

цены на нефть поползли вверх. Стремительно. Что чиновники мои, сволочи, перестали брать откаты, а олигархи, наоборот, стали вкладывать деньги в реальный сектор экономики... Тебе мои советники скажут, что конкретно надо написать. А за это... Проси что хочешь!

– Теперь вы, я вижу, не понимаете, – вздохнул Миша и налил коньяку собеседнику и себе. Думаете, я не думал об этом? Думал и еще как! Даже если предположить, что я действительно обладаю той силой, о которой вы говорите, невозможно сделать нашу страну счастливой с помощью моих статей подобного рода. Не в этом дело.

– А в чем?

И Миша попытался объяснить.

К середине второй бутылки коньяка ему почти удалось убедить господина Президента в том, что народ и страна могут достичь благоденствия только при помощи собственных долгих и терпеливых усилий, а вовсе не по шучьему велению и чьему бы то ни было хотению. И даже если его, Мишины, статьи подействуют, то чем, спрашивается, виноваты все иные многочисленные народы, населяющие нашу грешную Землю, которые пострадают в таком случае неизбежно?

– Да почему это они должны пострадать?! – воскликнул Президент. – Ты что, чуму на них накличешь?

– Не чуму. Экономику. Это похлеще любой чумы будет. Потому что, где аукнется, там и откликнется. Знаете такое народное присловье?

– Знаю, – тяжело вздохнул господин Президент и, подперев ладонью тяжелую голову, вдруг запел:

– Черный во-орон, что ты вьешься...

– Над моею головой! – с чувством подхватил Миша.

Они допели песню до конца и выпили еще по одной. – Что же нам делать, Миша? – растерянно спросил Президент.

– Не знаю. Вот разве что...

– Что?

– Написать статью о Втором пришествии Христа.

– Эт-то еще зачем? – испуганно спросил господин Президент и неловко перекрестился.

– Затем. Пусть придет Спаситель и воздаст нам всем по грехам нашим. Всем. Всей планете и всем народам ее населяющим. Сами мы все равно не разберемся. Воздаст, а потом... это...простит. И наступит золотой век.

– Думаешь, наступит?

– Уверен. Если не Христос, то кто?

– Тоже правильно... Миша... Миша, пиши! Я приказываю! К такой-то матери все это! Надоело! Пиши Миша, пиши, родной мой! Пусть придет! Пусть воздаст! Так нам всем, гадам, и надо! А мы покаемся... Ты... ты только напиши, что Он простит. Так и напиши: «Из хорошо информорова... информиво-рова... ин-фор-ми-ро-ван-ных источников нам стало известно, что Господь наш Иисус Христос...»

По щекам Президента катились крупные скупые мужские слезы.

– Ноутбук мне! – воскликнул, чувствуя прилив небывалого вдохновения Михаил, и, шатаясь, поднялся из-за стола. – Немедленно!

Сетевой

Обычно в таких случаях говорят: «Он соткался буквально из воздуха». Но этот не соткался, а, скорее, медленно проявился. Так наливается светотенью изображение на листе фотобумаги, погруженной в проявитель. Только это изображение было объемным и цветным, словно хорошая голограмма.

«Голограмма? – подумал я, – Или галлюцинация?»

Голограмма или галлюцинация выглядела как человекообразное существо с руками, ногами и головой. Ростом с три спичечных коробка. Было оно гладкое, ладное и переливалось всеми оттенками голубого, синего и зеленого.

«Звездец, – подумал я. – Вот, что происходит с человеком, когда сутками не вылазишь из-за компьютера».

Все действия, которые, вроде бы положено совершать в подобных ситуациях, как-то: протирание, закрывание и открывание глаз, трясение головой и даже осенение себя крестным знаменем были мной проделаны незамедлительно.

Существо не исчезало. Наоборот. Оно как будто еще гуще налилось сине-голубовато-зеленой гладкой плотью, а на голове его, в тех местах, где у людей бывают глаза, загорелись две яркие желтые точки.

Что ж, пора прибегнуть к мерам радикальным, решил я, поднялся со стула и направился к холодильнику. Там у меня уже недели две стояла початая бутылка водки. Я достал бутылку, выудил из уже слегка заплесневевшей изнутри трехлитровой банки соленый огурец, налил себе в стакан грамм сто и залпом выпил. Зажмурился, выдохнул, схрумал огурец и немедленно закурил. Медленно выкурил сигарету, посмотрел в ночное окно на огоньки пробегающих внизу по шоссе машин и вернулся в комнату.

«Видение» сидело, нахально покачивая ногой, прямо на корпусе компьютера и, казалось, терпеливо ожидало моего возвращения.

Я плюхнулся в кресло и воззрился на него в упор. Грозно и твердо.

– Н-ну, и что бы это значило?

– Скучно, – сообщило «видение» (у него на лице тут же возникло нечто вроде рта). – Затишье в Сети. Все заняты, или спят, или в настроении плохом. Даже не знаю, что происходит. Магнитные бури, что ли? Вот пришел пообщаться, – существо помолчало и добавило. – Я сетевой.

– Андрей, – машинально представился я.

– Знаю, – ухмыльнулся мультяшным ртом человечек. – Андрей Завалихин, сетевой ник – passenger. 28 лет. Холост. Доходы средние. Увлечения – Интернет и литература.

Все-таки галлюцинация, подумал я, молча поднялся и отправился на кухню за бутылкой и стаканом. И огурцом.

– И мне рюмочкухвати, раз такое дело! – пропищала вслед галлюцинация.

Я вздрогнул, но не обернулся.

По дороге на кухню я зашел ванную и долго плескал на лицо холодной водой. Потом посмотрел в зеркало прямо в собственные воспаленные глаза, вытерся полотенцем, взял на кухне бутылку, стакан и блюдо с двумя огурцами, подумав (черт с ним, сходить с ума, так весело!), нашел в коробке с иголками и нитками прабабушкин еще бронзовый наперсток и снова осторожно прошел в комнату.

– Молодец! – похвалила галлюцинация, когда я поставил перед ней наперсток и бережно налил в него каплю водки. – Ух ты, из такой шикарной посуды я еще не пил.... А закуски мне не надо. Мы, сетевые, когда пьем, никогда не закусываем. Правда, выпить нам редко удастся.

– Что так? – поинтересовался я, наливая себе.

– Редко угощают, – вздохнул человечек, обеими руками поднял наперсток и пояснил. – Потому что не верят. А в Сети водки нет. И вина нет, и пива тоже. Только виртуальная выпивка. Ну, за знакомство?

Мы выпили за знакомство.

И тут меня осенило.

– погоди, – сказал я. – Сетевой... Это типа домовой, что ли? Только не в доме, а в Сети?

– Молодец, – похвалил сетевой. – Догадался. У каждого продвинутого пользователя интернета есть свой сетевой. Вот у тебя, например, – я. – он протянул свою лапку и добавил. – Кстати, меня зовут Юк.

– Очень приятно, – я осторожно пожал крохотные прохладные пальчики.

– Ну, – с воодушевлением пискнул Юк, – вот и познакомились. Чего сидишь? Наливай! Я налил.

– За Сеть! – торжественно провозгласил сетевой, вздымая бронзовый наперсток. – За это великое изобретение человека.

Мы выпили за Сеть.

– Сеть, конечно, штука классная, – сказал я, чтобы поддержать разговор. – Но человек не только интернет изобрел. Были, знаешь ли, и другие великие изобретения. Колесо, например. Или тот же двигатель внутреннего сгорания. Телевидение. Ядерный реактор.

– Телевидение! – передразнил Юк, вытирая рот тыльной стороной ладони. – Ты натурально не понимаешь. Ну, вот скажи, ты когда-нибудь слышал, чтобы в телесетях жили какие-нибудь... эти... телевики?

– Н-нет, – честно признался я. – не слышал.

– Правильно. А почему? Потому что их там просто-напросто нет. И в этих твоих ядерных реакторах никто приличный не водится, не говоря уже о двигателях внутреннего сгорания. Про колесо вообще и вспоминать смешно. Чудак ты, право слово. – Юк разошелся, и слова сыпались из него, словно фасоль из дырявого мешка, – Ну, как ты думаешь, для чего предназначено колесо?

– Как это для чего? – пожал я плечами. – В основном для перевозок людей и грузов на дальние расстояния. Ну и вообще, для совершения всяческой механической работы.

– Вот! – Юк назидательно задрал вверх указательный палец. – Именно что механической работы... Ты наливай, наливай. Не стесняйся.

Я, внутренне усмехаясь, подчинился.

– Так. Ну, теперь давай за софт. Чтоб он был и не лагал.

Выпили за софт.

– На чем я остановился? – слегка заплетаясь языком, строго осведомился мой новый знакомый.

– На этой... на механической работе, – вспомнил я.

– Да! Именно на ней! И твой двигатель внутреннего сгорания вместе с ядерным реактором тоже придуманы для того, чтобы выполнять механическую работу. Телевидение – да, согласен, дальше немного ушло. Оно уже предоставляет какую-то информацию и развлекает. Но ему не хватает той самой главной функции, которая есть у Сети.

– Это какой же?

– Общение! Общение и связь. Сеть соединяет миллионы, миллиарды людей, которые до появления интернета и не подозревали о существовании друг друга. Их мысли и чувства вместе с их знаниями и даже грехами и страстями влились в Сеть, побежали со скоростью света по проводам, перемешались, и... вот так и возникли мы, сетевые! За что вам, людям, отдельное спасибо. Наливай.

Мы выпили за здоровье всех пользователей интернета и продолжили разговор. Я узнал много интересного. Например то, что скорость передвижения с сайта на сайт во многом зависит

не только от мощности компьютера и типа подключения к Сети, но и от них, сетевых. От их, так сказать, характера, настроения и умения.

– Или возьми, например, электронные письма, откровенничал Юк. – У тебя ведь есть бесплатный ящик?

– Да, – сказал я. – На Яндексе.

– Там письма пропадали когда-нибудь?

– Неоднократно.

– Как ты думаешь, куда они пропадали?

– Э-э...

– Не трудись, все равно не догадаешься.

И он рассказал, что у сетевых есть своя, так сказать, письмотека, где они хранят все, когда либо утраченные и недошедшие, а также удаленные письма и сообщения.

– Миллионы, десятки и сотни миллионов писем! И не только писем! Все самое ценное из удаленной и стертой вами, людьми, информации с жестких дисков собирается... – тут он запнулся и с явным испугом огляделся по сторонам, трезвея на глазах.

– Что случилось? – поинтересовался я.

– Э-э... видишь ли... да нет, ничего. Просто я тут с тобой заболтался, а мне на самом деле уже пора. Магнитная буря кончилась, и дела ждут. Неотложные.

– Брось, – попытался я его уговорить. – В кои-то веки встретишь интересного собеседника... Да и выпивка у нас еще осталась!

– Н-нет, мне, пожалуй, хватит. В следующий раз, ладно? – он был явно чем-то обеспокоен. – Ты... это... сходи пока на кухню, покури, ладно? Люди не должны видеть, как мы приходим и, в особенности, куда и как мы уходим. Пока. Как-нибудь загляну, если обстоятельства позволят.

Когда я вернулся с кухни, Юка уже не было. Только на корпусе компьютера стоял пустой бронзовый прабабушкин наперсток.

С тех пор прошел почти год, и Юка я больше не видел. Иногда мне кажется, что в тот вечер я просто уснул в кресле, и все это мне приснилось. Но тогда почему, когда я время от времени оставляю на ночь прабабушкин наперсток с водкой на корпусе компьютера, утром наперсток оказывается пустым?

И еще. Я часто задумываюсь над тем, о чем Юк не договорил. О стертой информации, которую где-то, на неведомых нам ресурсах, якобы собирают сетевые. Ведь Юк фактически проболтался о том, о чем, скорее всего, не имел права говорить. И, возможно, теперь он крепко наказан. Ведь у сетевых, как и у всех прочих, наверняка тоже есть свое начальство.

А вы как считаете?

Тараканья история

Кто-нибудь любит тараканов?

Лично я не встречал ни одного представителя хомо сапиенс, который не то что любил, но хотя бы относился к ним со спокойным равнодушием. С другой стороны, не берусь утверждать, что мы испытываем к ним ненависть. Скорее некую холодную брезгливость с тонким оттенком страха. Откуда страх – непонятно, но, пожалуй, именно эта малая толика страха и заставляет нас срывать с ноги тапок и начинать судорожную охоту за тараканом, случайно (или намеренно?) попавшим в поле нашего зрения.

И ведь как уже было сказано, совершенно невозможно понять – откуда в нас эта брезгливость цвета льда и уж тем более черная капля страха. Ну, таракан. Ну, насекомое. Мало, что ли, насекомых? Ведь нравятся же нам, к примеру, муравьи, хотя они тоже частенько забираются в наши жилища и портят продукты питания.

Или возьмем мух. Мало того что надоедливы до полной невозможности, так еще и переносят всяческую заразу.

Я вовсе не хочу сказать, что мух мы любим, но все же... это не таракан. А ведь таракан, как утверждает наука, стерилен, то есть, никакая зараза к нему не пристает, и он ее, естественно, на себе не переносит.

Впрочем, вопрос «отчего мы не терпим тараканов?» относится – по моему глубочайшему убеждению – к категории таких вопросов как «в чем смысл жизни?», или «что есть любовь?», то бишь вопросов «проклятых» и «вечных», на которых даже Лев Николаевич Толстой, кажется, повредил себе слегка голову под конец жизни. Ну не терпим – и ладно. Будем не терпеть дальше. Однако история, происшедшая со мной в прошлом году...

Однажды вечером я сидел на своей кухоньке с любимой книгой на коленях, с отвращением наблюдая, как рыжее и наглое насекомое ловко шастает по столу, совершенно не страшась ни электрического света, ни меня, могущего его прихлопнуть в любой момент коробком спичек. Хотя нет, здесь я вру. Точнее – преувеличиваю.

Уже неоднократно мною было замечено, что таракан никогда добровольно не вылезет на чисто убранный кухонный стол. Вот ежели на столе в обилии имеются тарелки, чашки и прочая утварь, тогда – запросто. И вы, пытаясь убить проклятую тварь, скажем, тем же коробком спичек, обязательно попадете по краю тарелки или чашки, под которую вышеупомянутая тварь успеет нырнуть, и – вполне вероятно – посуда разобьется, острым краем полоснув по вашей руке. Таракан, разумеется, останется при этом цел и невредим, а вы, шипя от боли, полезете в аптечку за йодом и бинтами. Со мной такое бывало.

Итак, я наблюдал краем глаза за крупным рыжим «пруссак»¹, разгуливающим по моему столу. Какое-то странное оцепенение исподволь охватило меня. Сначала, помнится, я с ленивым удивлением ощутил необычайную тишину во всей квартире: ни телевизора соседей за стеной, ни выкриков подрастающего поколения на улице. Потом... Потом я увидел, что отвратительное существо замерло посреди стола в полной неподвижности, казалось, ощупывая меня своими органами чувств. Рассматривая, так сказать, и оценивая.

«Что за черт...», – промелькнуло у меня в голове, и тут же еле слышный шелест – шепот? – протиснулся в нее, голову, оттесняя суетливые мысли. Я сосредоточился.

– Не убивай... Не убивай... Не убивай меня. Послушай... Послушай...

– Кто это?! – мысленно рявкнул я.

– Тот, кого ты сейчас видишь. Посол. Не убивай.

Таракан? Со мною разговаривает таракан?! Не знаю уж почему, но я не испугался, не заорал и не запустил в него спичечным коробком. Наоборот, мне стало даже интересно.

– Чего ты хочешь? – спросил я мысленно.

- Я хочу передать послание нашего... царя.
- У вас есть царь?
- Это слово подходит лучше всего.
- Что ж, передавай.
- Наш царь обращается с просьбой не убивать нас. Почему вы, люди, всегда нас убиваете?
- Вероятно, э-э... инстинкт.
- Это очень плохо.
- Возможно. Для вас.
- Для вас тоже.
- Это еще почему?
- Военная тайна.

Я внутренне расхохотался, но потом задумался. Скорее всего, мой визави просто блефовал самым что ни на есть нахальным образом. В конце концов, за сотню тысяч лет существования человека как такового тараканы, кроме мелких неприятностей, не смогли нанести нам хоть сколько-нибудь значительный вред. С другой стороны, эти мелкие неприятности... Один вид их, тараканов, чего стоит! И тут меня осенило:

- Послушай, а если мы заключим джентльменское соглашение?
- Какое?

– Ну, скажем, так. Я со своей стороны обязуюсь не применять против вас никаких мер по уничтожению, а вы обещаете не попадаться мне на глаза. То есть живите в моей квартире, но так, чтобы я вас не видел. Ну как, подойдет?

– Но ведь мы размножаемся, – прошелестел через некоторое время голос в моей голове. – Куда же девать молодежь?

– Мало, что ли, квартир в доме? – резонно заметил я. – Пусть у меня живут ваш царь и особы к нему приближенные – двор, так сказать. А остальные... Мир жилья человеческого широк. Вам ли этого не знать!

– Мне нужно посоветоваться. Я не уполномочен принимать подобные решения самостоятельно.

- Иди, советуйся. Когда ждать?
- Ровно через час по вашему времени я буду на этом же месте.

Этот час я провел в нетерпеливом ожидании. Конечно, все происшедшее, по здравому размышлению, должно было быть несомненно отнесено к бреду моего воспаленного (вот только чем?) воображения. Но ведь я всегда считал себя довольно-таки уравновешенным человеком, хотя и склонным иногда к бесплодным мечтаниям...

Ровно через шестьдесят минут (я засекал время) рыжий посланник тараканьего племени деловито пересек стол и замер между сахарницей и тарелкой с остатками ужина.

Я расслабился и сосредоточился одновременно.

Контакт на сей раз был достигнут значительно быстрее (если вам один раз удалось проехаться на велосипеде, то во второй раз, поверьте, будет гораздо проще это сделать).

- Итак? – подумал я.
- Рад сообщить, что наш царь и его ближайшие советники согласны на твои условия, – торжественно прошелестел усатый. – Но с маленькой поправкой.
- Какой же?

– Существует масса непредвиденных обстоятельств в нашей жизни. Что если кто-либо из нас чисто случайно попадется тебе на глаза?

– Ну... если случайно и очень редко... хорошо, я дам ему возможность скрыться. Только пусть скрывается быстро. Но и вы не обессудьте, если я по чистой случайности наступлю на кого-нибудь из ваших.

– Мы согласны. Фактор случайности с твоей стороны тоже должен учитываться. Это справедливо.

– И с какого же времени договор вступает в силу?

– С этого момента. До свиданья.

– Э-э... постой!

Но было поздно. Таракан развернулся на месте, как раллийный автомобиль под управлением опытного гонщика и мгновенно исчез со стола.

Черт, а ведь я хотел задать ему еще десятки вопросов!

Тем не менее, для меня наступили блаженные дни. Представьте только, ни одного таракана в поле зрения!

Соседи и друзья, заходя на огонек, удивлялись и настойчиво стремились выяснить способ, с помощью которого мне удалось избавиться от тараканьей напасти. Что я мог им рассказать? Ведь не правду же, в самом деле!

Так продолжалось в течение нескольких месяцев. Но вот как-то, вернувшись в квартиру после двухдневного отсутствия, я с ужасом обнаружил, что моя кухня, а также совмещенный санузел кишат кишмя тараканьем. Рыжие сволочи десятками нахально ползали по стенам, полу и потолку и даже не особенно пытались прятаться, когда мой разгневанный взгляд камнем падал на их узкие спины. Ни о какой случайности тут уже не могло идти и речи. Пришлось воспользоваться старым добрым оружием – тапком с правой ноги.

Уничтожив с десятков нагнецов и разогнав остальных, я уселся на стул и закурил в растерянности сигарету. Что случилось? Почему они нарушили договор? Так сидел я некоторое время, размышляя, пока взгляд мой не скользнул случайно по столу... три твари в ряд неподвижно устали на меня свои усики-антенны. Я нарочито медленно снял с ноги орудие убийства и привычно сосредоточился.

– Кто вы такие?

– Мы полномочные представители Республики. Царь и его сатрапы, мучители и эксплуататоры трудового народа, свергнуты. Наш народ начинает строительство новой жизни. Мы уполномочены заявить, что прежние договоренности с тобой теряют силу.

– Ну что ж, бывает, – быстро сообразил я. – А что нам мешает заключить новую договоренность?

– То мешает, что все жилое пространство теперь принадлежит народу. В том числе и твоя квартира, которая являлась царской резиденцией. Тем не менее, мы просим отсрочки разрыва с твоей стороны прежнего договора до тех пор, пока мы не решим свои внутренние проблемы.

– Вот как? И на какое же время вы просите отсрочки?

– На две недели.

– Ну что ж, две недели я потерпеть согласен. Но потом – не обижайтесь.

Послы с достоинством удалились. Надо ли говорить, что через две недели ничего не изменилось? Тараканы продолжали безнаказанно шастать по всей квартире. Я, сцепив зубы, подождал для верности еще два дня и начал боевые действия.

И вот теперь, спустя два месяца после установления тараканьей народной Республики, я сижу на кухне с любимой книгой на коленях и отрешенно мечтаю о том, чтобы у тараканов как можно скорее наступил тоталитаризм – глядишь, и снова договоримся. Правда, затем почти наверняка последует демократия, но к тому времени я надеюсь накопить денег и сменить квартиру.

Беглец

Смертельно хотелось курить – и ни одного табачного киоска поблизости. Мужчина сидел один на парковой скамейке. Брюнет. Длинные густые волосы откинута за спину и не мешают обозреть желаящим его медальный профиль: высокий лоб, прямой нос, твердая линия подбородка. Потертые джинсы, сандалии на босу ногу и слепящей белизны рубашка с короткими рукавами. Руки в меру мускулистые и загорелые.

– Добрый день, – сказала я.

– Привет.

– Извините, у вас не найдется сигареты?

Он глянул снизу вверх, и я поразила яркой густой синеве его глаз на смуглом лице.

– Вообще-то я не курю, но сигареты у меня найдутся.

В протянутой ко мне ладони оказалась распечатанная пачка. Готова была поклясться, что он за ней в карман не лазил. Все время, что ли в руке держал? Но зачем, если, как сказал, не курит? Я взяла сигарету и поблагодарила.

– Присаживайтесь, если желаете, – предложил он и подвинулся на скамейке.

– Удивительно мало людей сегодня в парке, – глубокомысленно изрекла я, усаживаясь рядом с ним.

– Жарко, – кивнул он. – Народ сидит по домам и пьет охлажденные напитки.

– Странно, – я окинула его одним из своих коронных взглядов, означающих: «Вообще-то ты ничего, но много о себе не воображай, потому что я девушка разборчивая». Годков тебе, наверное, что-то около тридцати, подумала. Ну, может, чуть меньше. Или больше. Взрослый, в общем, мальчик...

– Что странно?

– Зачем вам сигареты, если вы не курите?

– А, это... – тихо засмеялся он, блеснув ровными зубами. – Все просто. Вы мне понравились, и я решил вас угостить. Только вот марка сигарет...

– Что?

– Не знаю, какие вы любите. Может быть, эти не вполне подходят?

– Что вы, что вы! – включилась я в игру. – Отлично подошли.

– Возьмите всю пачку, – просто сказал он.

– Спасибо, – милостиво улыбнулась я, пряча сигареты в сумочку. – Всегда стараюсь следовать старому доброму правилу: дают – бери, бьют – беги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.